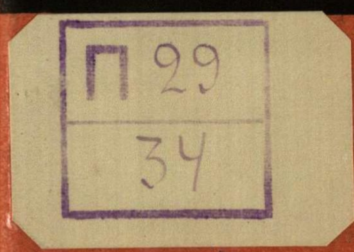
ПИОНЕР

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ



„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ"

В редакцию журнала «Пионер» г. Москва, Новая пл. 6.

Просим ответить

Вопрос

1. Всех ли ленинцев, достигших 16-летнего возраста, переводят в комсомол?

Интерна Б. и Владлена Г., г. Харьков, коллектив № 2 при ГПУ.

Ответ

1. Переводят в комсомол только активных и дельных ребят, которые этого достойны по их делам, а не только по летам.

Вопрос

2. Существует ли организация «Друг пионера», а если нет, то почему?

Пионер *Петрунин*, село Владимирская пристань, Сталинградской губ.

Ответ

2. Самые близкие друзья пионера—это ленинский комсомол, который целиком взялся за воспитание и подготовку своей смены, ленинская партия РКП, которая заботится неустанно о пионерах, затем профсоюзы СССР. Нужны ли еще друзья?

Вопрос

3. Помощника звенового выбирает звено или вожатый и кого выбирают звеновым, активного парня или со стажем?

Пионер *Берштейн*, г. Баку.

Ответ

3. Выбирает себе звенового и помощника само звено, конечно, вожатый может намечать кандидатуру и отстаивать, но решающий голос—самого звена. Безусловно выбирать нужно активного парня, которого все знают, с которым можно хорошо работать, а стаж сам по себе, без работы — заслуга небольшая.

Вопрос

4. Как должен пионер поступить, если он узнает какое-либо контр-революционное дело?

Пионер *Шкляр* (Белоруссия).

Ответ

4. Основная задача пионеров—воспитательная работа, а борьбу с контр-революцией теперь успешно проводит ГПУ, пионерам этим увлекаться не стоит. Здесь нужен опыт и осторожность. Если же случайно что-либо пионер узнает, то пусть посоветуется с вожатым, и, если это дело серьезное, нужно сообщить в местное отделение ГПУ.

Вопрос

5. Может ли быть пионер условно исключен вожатым звена. Может ли райком РЛКСМ исключить пионера из отряда, не указывая причин?

Пионер *Лев Калашников.*

Ответ

5. Вожатый звена так действовать не может, а райком РЛКСМ за какие-нибудь особенные проступки, неизвестные иногда всему отряду, исключить может и, если считает нужным, может и не раз'яснять причин.

Вопрос

6. Можно ли пионера-комсомольца за плохое поведение передавать из комсомола обратно в отряд?

Пионер *Шкляр.* (Белоруссия).

Ответ

6. Если исключение временное, и ячейка комсомола думает, что работа в отряде исправит недостатки пионера, то это, разумеется, допустимо.

Вопрос

7. Можно ли пионерам ходить в церковь, если посылают родители, можно ли также торговать?

Пионер *Савченко*, г. Уфа.

Ответ

7. Ходить в церковь и заниматься торговлей сознательный пионер не должен. В крайнем случае, если пионер сам не в состоянии, в виду особых обстоятельств, избавиться от этих «занятий», нужно посоветоваться с вожатым и с ячейкой РЛКСМ.

Вопрос

8. Как распределять работу среди пионеров: по назначению или по желанию, например,—пионер хочет работать в авиахиме, а его назначают в сан комиссию и т. п.

В. Калфаян. Белая Калитва (Северн. Кавказ).

Ответ

8. Никто не должен отлынивать от работы, но работу нужно давать, согласуясь с желанием и интересом парня к той или иной работе.

На обложке изображена скульптура И. Стража «БУДЬ ГОТОВ»!

ГОД ИЗДАНИЯ 2-й

В борьбе за рабочее дело—будь готов!

ПОДПИСНЫЕ ЦЕНЫ

На 12 м.—5 р. 60 к.
„ 6 „ —2 „ 95 „
„ 3 „ —1 „ 55 „
„ 1 „ — „ 60 „

ПИОНЕР

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:

Москва, Н. Площ. 6/8, Из-во „Молодая Гвардия"

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ

ОРГАН

ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО ДЕТСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМ. В. И. ЛЕНИНА ПРИ ЦК РЛКСМ И НАРКОМПРОСА

№ 23 5 декабря 1925 г.

ПОЛИТИЧЕСКИМ ЗАКЛЮЧЕННЫМ РУМЫНСКИХ ТЮРЕМ.

Мы, юные ленинцы г. Астрахани, из доклада о МОПР'е узнали, как буржуазия издевается над вами, добивающимися свободы для трудящихся. Этот тяжелый путь нашими отцами и братьями уже пройден, и мы сейчас свободно участвуем в общественной жизни страны. Но нас не покидает мысль о вас, страдающих в буржуазных тюрьмах боярской Румынии, и о ваших детях, оставшихся без родителей.

Мы, 1.500 юных пионеров г. Астрахани, собравшиеся на конференцию, выражаем свой протест против зверств буржуазии и шлем проклятья палачам и угнетателям рабочего класса и крестьянства. Вам же, страдальцам, шлем свой привет и заявляем, что мы здесь, в свободной стране, не забываем и никогда не забудем вас, находящихся в тюрьмах, и ваших детей, живущих впроголодь.

А вы, наши юные друзья—товарищи и подруги—должны гордиться тем, что ваши родители принимают участие в этом великом деле — освобождении трудящихся от поработителей. И недалек тот час, когда вы также будете собираться свободно и строить жизнь по новому, готовясь к замене своих отцов, братьев и сестер на великое дело.

С братским приветом Президиум конференции юных пионеров—друзей МОПР'а—Эллинго-Бакалдинского района.

А. Воронский

ТОВАРИЩ ФРУНЗЕ

В январе 1907 года на одной из окраин города Шуи группа подпольных революционеров-большевиков встретила случайно урядника Перлова, преданную полицейскую ищейку по части истребления врагов внутренних.

Кто-то из группы заметил, что хорошо бы снять урядника и еще что-то в этом роде. Тогда другой припал на колено, вынул маузер и выстрелил. Пуля пролетела мимо. Урядник быстро оправился и, в свою очередь, тоже открыл стрельбу. У того, кто стрелял в урядника, застрял патрон в маузере, отвечать нельзя было, пришлось убраться. Стрелявший носил кличку Арсения. Он был молодым студентом. У него были лучистые глаза и он прихрамывал на одну ногу, потому что в 1905 году его с версту тащили на аркане пьяные озверевшие казаки во время погрома.

24 марта 1907 года в одной из конспиративных квартир г. Шуи был арестован один из тех, кого так долго искали жандармы и полиция. Его арестовали с двумя маузерами в руках: он хотел отстреливаться, но не решился на это, так как в доме были дети и посторонние. Его звали Арсением, но это была кличка: его настоящая фамилия была Михаил Фрунзе.

Весть об аресте Арсения облетела почти мгновенно весь город. Фабрики остановились. Рабочие прекратили работу, подошли большой толпой к тюрьме и потребовали освобождения Арсения. Перепуганному исправнику только хитростью и лживыми обещаниями удалось уговорить толпу и экстренно потом направить Арсения во Владимир. Картина отправки была интересна. Целая рота солдат сверкала холодом стали штыков. Ряд за рядом мерно колыхались серые шеренги. Они сопровождали одного единственного человека — Михаила Фрунзе. Это стоило почетного караула.

Через несколько месяцев, случайно, во время одного из судебных процессов урядник Перлов в качестве свидетеля встретился с Арсением—тоже своеобразным свидетелем на суде и тут же заявил, что это тот, кто в него стрелял. Показание записали. Фрунзе приговорили к смертной казни. Фрунзе сидел в тюрьме и усердно продолжал заниматься изучением итальянского языка.

...Приговор отменили. Отмену опротестовали. Снова—смертная статья, снова суд.

...Приговор опять отменили... Отмену опротестовали... А время все шло да шло. Так прошло не меньше двух лет. Два года товарищи по заключению смотрели на молодую крепкую шею, два года взор невольно приковывался к ней и мерещилась мертвая, удавная, гнусная петля вокруг нее—два года...

Есть два сорта смертников: на одних безмерно тяжко смотреть; в отношении к другим испытываешь более сложное чувство: к чувству боли примешивается гордое сознание—они сумеют умереть. Фрунзе принадлежал к последним.

Дело кончилось каторгой. Шесть лет пришлось сидеть во Владимирском централе.

Годы тюрьмы, ссылка на поселение. Нелегальная работа в Сибири, попытка нового ареста, бегство, нелегальная жизнь...

* * *

В далеких приволжских степях длинными боевыми колоннами растянулась Уфимская дивизия Черного Адмирала Колчака. Они были уверены в себе. Они шли на Москву. Это были лучшие части, надежда и опора опытного царедворца. Навстречу им, по ту сторону боевой линии, вагоны выбрасывали молодые неокрепшие части новой армии. Они были из голодного рабочего края. К ним присоединили рабочих Поволжья. Они пришли из страны, окруженной огромным огненным кольцом, из страны, которая, казалось, задыхалась в этих смертоносных холодных

Тов. Фрунзе и московские пионеры на празднике физкультуры в Сокольниках

об'ятиях... Сейчас они сойдутся в последней мертвой схватке... Они сошлись: Уфимская дивизия разбита. Слава молодой армии. Но не забудем ее командующего, тов. Фрунзе, ибо он никогда не был в военных штабах и академиях, но показал себя отличным красным полководцем.

Уже под Уфой мелькают шлемы с красными звездами. Черный Адмирал бросает последнюю гирю на чашу военных весов: идут полки Каппеля.

Идут каппелевцы... Полки Каппеля не знают поражения... Полки Каппеля идут на Москву: на их вагонах написано: «Курган—Уфа—Москва»... С ними самые опытные военные специалисты старой армии.

Опять бой. Каппелевцы разбиты...

Эпизод из боя... Полк со шлемами и красными звездами переправился через реку. Противник засыпал снарядами... Его цепи все сильней и смелей делают перебежки. Люди в шлемах растерялись... Вот дрогнула одна цепь, растаяла другая...

— Товарищи, сюда... Ни шагу назад! За мной! Вперед! Командующий с вами!

Прихрамывая, бежит впереди человек с винтовкой в руках.

— Вперед! Вперед!

Командир дивизии, беззаветно отважный Чапаев, кричит:

— Тов. командующий! Уйдите отсюда. Здесь вам не место.

М. В. Фрунзе в 1925 году

— Вперед! За мной! Я принимаю командование полком.

— Тов. командующий! Здесь я командир дивизии, вы не имеете права распоряжаться моими частями.

Падает снаряд... Контузия...

Нет, не всегда двухлетнее сидение в качестве смертника, не всегда 6 лет каторги и долгих скитаний—не всегда они, к счастью и гордости человечества, способны выточить лучистую энергию из глаз, потушить их свежий блеск, лишить человека отваги,—не всегда они делают человека бескрылым и вялым, бесхребетным и тусклым. Честь и хвала человечеству и той партии, в рядах которой бьются такие люди!

... Военная операция на Южном фронте против Врангеля проводится товарищем Фрунзе с замечательной стремительностью и отвагой.

Взятие Перекопа и Сиваша—одна из самых блестящих страниц в истории нашей революции. Над укреплениями перешейка трудились опытные французские инженеры. Тов. Каменев, об'ехавший южный фронт накануне наступления, по возвращении в Москву, на вопрос о возможности взятия Перекопа и Сиваша, дал неопределенный ответ.

Но красная лава уже затопила Крымский полуостров...

Агитатор, марксист, террорист, смертник, командующий, с винтовкой в руках ложащийся в цепь рядом с бойцами.

Лишний раз приходится сказать про партию революционного пролетариата: вопреки всем кровопускательствам союзников и тягчайшим условиям, есть еще порох в пороховницах.

(*Окончание*)

12. Черная маска и Американец

От аэроплана летчики не отходили и других близко не подпускали. Напрасно Горка с Кирюхой подлезали—моториста не обманешь.

— Куда нос свой суешь?—кричал он на Кирюху,—что здесь нюхаешь?..

Только днем на час отрывался моторист и шел обедать. И с ним уходил и отец. Ребята только того и ждали.

Как ушли те подальше, из-за опушки, пригибаясь к земле, выбежали Горка с Кирюхой. Первый Горка, скорей за дверцу, в кабину.

— Черная маска! Идем скорей!

Кирюха ящерицей, в руках какой-то сверток.

— Никого нет. Лезь скорей!

Черная Маска юркнула в кабину, только пятки сверкнули, за ним Американец.

Прошло минут десять, пока Гора опять не выглянул.

— Нет никого...

Тихо вылез, оглянулся и к двери.

— Ну, теперь сиди. Не шевелись. Хлеба я тебе притащу...

Мать выходила за околицу

Отпрыгнул в сторону и хотел бежать.

— Эй? Ты чего здесь делаешь?—крикнул кто-то. Это был отец. Быстро шел к нему.

— Я... Я, папа, ищу Кирюху...

— Так разве здесь он? Поди, в лес убежал...

Через минуту пришел и моторист. Спокойно продолжали свою работу.

А Горка-Американец сусликом поглядывал на них из-за куста опушки.

13. Отлет

Отлет рано утром.

Последнюю ночь Американец спал беспокойно.

— Как с Черной маской? Не поймает ли его моторист?

В деревне мужики встали с коровами. Не позавтракавши к лугу сходились. На подводах из других деревень сколько понаехало. На московских летунов посмотреть. Ведь сроду аэропланов не видали.

Утро ясное, безветреное. Мужики кучей окружили машину, оглядывали кругом.

— Вот бы нам такую штучку,—рассуждали.

— Да... И до чего теперь народ не додумается,—удивлялся старик Нефед,—под водой стали ездить, по воздуху летают...

Пашка Кривой смеется.

— Скоро к богу в гости полетят. Право слово!

— Скажи, пожалуйста!—качают головой бабы.

— Да ну их!—плюется дед Нефед,—они и в правду норовят!

Гора уже сидел на своем месте в кабине и поглядывал в окно.

— Прощай Илюшка! Прощай Конопатый...

Вот и отец надвинул покрепче свою шапку-финку, надел рукавицы, усаживается. Берется за руль. Моторист обошел, оглядел в последний раз.

— Граждане, разойдись в сторону!—кричит,—дай дорогу!

Куча расступилась. Моторист подошел к пропеллеру, ухватился и рванул.

Сорвался пропеллер, задрожал весь аэроплан, точно радуясь: вот-вот оторвется...

— Прощайте! Добрый путь!—кричали им мужики, но из-за шума пропеллера ничего не было слышно.

Летчики только поднимали руки в своих больших рукавицах и кивали головой.

Легко и плавно покатился аэроплан по ровной земле. Филин и Аркашка бросились в догонку, размахивая руками.

Вот уже аэроплан отделился от земли и стал взбираться ввысь.

— Батюшки!.. Как ласточка! Гляди, гляди!..

Аэроплан уходил все выше и выше. Затихало фырчанье. То сначала казался ястребом, потом поменьше, а потом точкой и, наконец, совсем скрылся.

Долго мужики не расходились с луга.

14. А где Кирюха?

Кирюхи хватились только к вечеру. Кому во время суматохи глядеть, где Кирюха и что он делает?

— Да куда запропастился мой парнишка? — удивлялась мать,—и не завтракал, и обедать не приходил.

Прождали день, другой.

— Иди, тетка, в совет, заявляй.

Пошла тетка к милиционеру.

— Парнишка мой куды-то провалился... Поискать бы... Сделай милость...

— Ладно! Пиши заявление.

— Неграмотная я... Ох, грех-то какой... Куды бы ему деться-то?

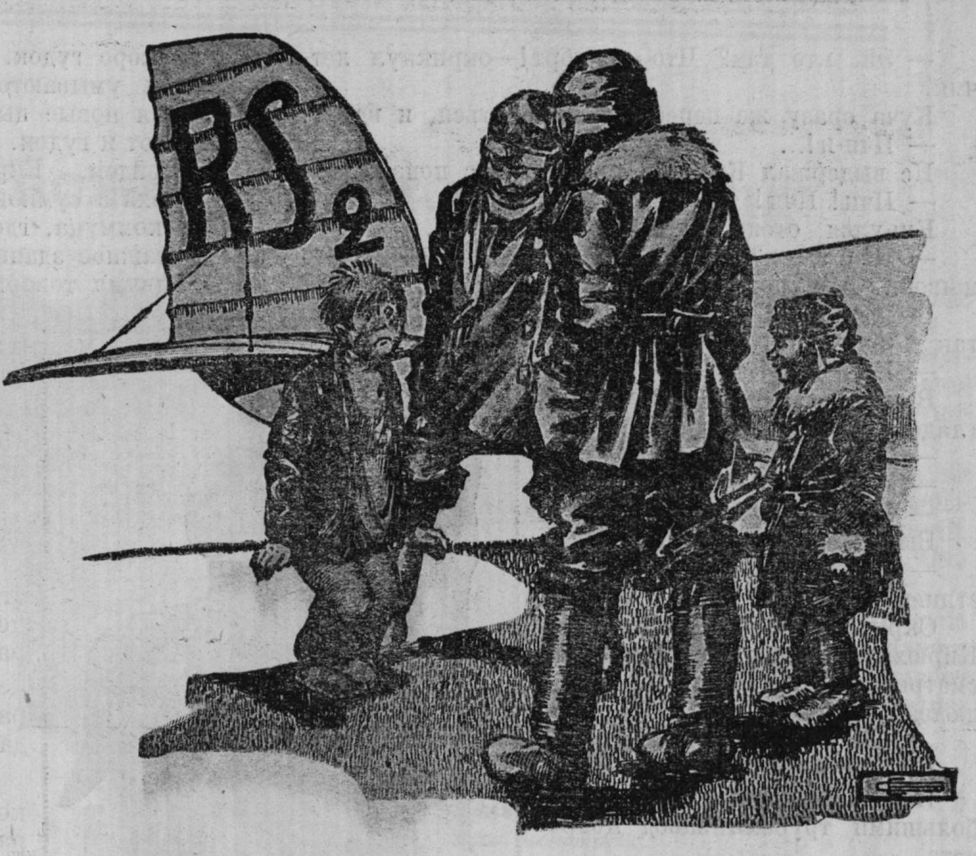
Филин с Аркашкой бегали по лесу с утра до вечера, надрывались.

— Кирюха... а... Где ты? А-у!..

Но молчаливый лес глухо и нехотя откликался.

— А-у... Нет Кирюхи...

Илюшка с Конопатым бегали и по оврагам, забегали в соседнюю деревню.



Весь измазанный, испуганный глядел на него парнишка

Мать выходила за околицу, останавливала проезжающих.

— Не встречали вы парнишку такого-то и такого-то?..

Проезжающие задерживали лошадь, чесали кнутом поясницу и долго думали:

— Нет, тетка... Как будто такого не встречали.

Мать голосила все дни.

— И на кого же ты меня спокинул, родной сыночек? И свою родную сторонушку... Ох...

А бабы шабрихи решали:

— Значит, утоп. Больше некуда ему деваться.

И не выдержала мать. Позвала грамотную Дуньку и попросила в поминание переписать «отрока Кирилла с здравья на упокой».

15. В воздухе

А ребята уже на другой день были далеко-далеко. Как взвились, Горка сейчас же к углу.

— Черная Маска!—разгреб руками кучу. Зашевелилось что-то в углу и сверкнули два глаза.— Черная маска, летим!!!

— Летим—говоришь?

— Летим,—ответил американец,—посмотри...

Кирюха прилип к окну. Сначала ничего не мог разобрать. Один воздух. Белое... Белое...

— Ты посмотри вниз,—указывал Гора,—видишь, вон речка... лес.

Кирюха стал кое-что разбирать.

— Ой, как все чудно! Это нешто река такая? Вроде лужа. Мать честная, людей совсем не видать!

Впереди, где сидели летчики, гудел мотор, ровно, без перебоев. Аэроплан не качался.

— До неба можно долететь?—спросил Кирюха.

— Папа говорит, что на самом верху воздуху нет. Задохнемся.

Вдалеке показался большой город.

— Сейчас приедем!—проговорил Гора.—Лезь, Черная маска, лезь скорей... Прячься!

Черная маска жиганула на свое место.

16. Гостинец

Затихает мотор, снижается над аэродромом. Отстукнулся слегка и побежал на мягких колесах по ровному полю.

Горка, сидя в кабине, слышит, как подбежали люди, товарищи отца, здороваются. Сидит Горка, еще не дает о себе знать.

— Куда теперь деть Черную маску?..

А Кирюха, как нарочно, все сильнее сопит и возится.

— Тс... Идут,—ткнул его ногой Горка,—не ворочайся!

Дверь открылась и в кабину просунул голову отец.

— Ну, товарищ, вылезай, — весело проговорил отец.—Будет, налетались...

Горка не шевелился.

— Ты что?—удивился отец,—да вылезай же! Мать тоже уже здесь ожидает. Ну, скорей!

Но тут отец вдруг насторожился. В углу кто-то сопит и странно возится. Горка вздрогнул и оглянулся.

— Эй, кто там? Что за чорт!—окрикнул летчик.

Куча сразу же перестала шевелиться, и вдруг:

— Пчи-и!...

Не выдержал Кирюха, пакля в нос попала.

— Пчи! Пчи!

Кинулся отец, давай руками шарить.

— Кто здесь? Говори, кто здесь? Ого! Что-то живое... Ага, попался... Вора поймал.

Вытащил на свет, стряхнул; так и ахнул.

— Кирюшка!

Весь измазанный, испуганный глядел на него парнишка.

— Ты как это сюда?

— Папа! Это Черная Маска...

— Какая маска?

Выволокли Кирюху наружу.

— Смотрите-ка, вот это-то гостинец привезли!

Окружили бедного парня, а Кирюха все еще испуганно посматривал на чужих городских людей.

17. В Москве

На окраине, за заставой, дымит большими трубами завод Добролета.

Готовит этот черный, огромный завод стальных друзей—советские аэропланы.

Много цехов на заводе, а еще больше людей. Вот в сборочном цеху пробные моторы. Разговаривать нельзя — все заглушает шум. А в механическом до боли трещат станки. Серебряной тонкой стружкой вьется сталь под ножом.

Прямо на полу на корточках кудрявый подросток старательно обтирает паклей части машин. Около него банка с маслом.

Старый слесарь Василич, заправив, что нужно, в станок-сверло, отошел. Сел на табуретку, стал свертывать цыгарку. Посмотрел на подростка через очки.

— А что, Кирюха, мать-то твоя еще не приехала?

Парнишка поднял голову и ощерился.

— Вчера приехала,—весело ответил он и, тряхнув головой, принялся быстрей обтирать паклей.

— Ну, как ей Москва-то наша показалась?

Кирюха рассмеялся.

— Голова, говорит, закружилась. Еле-еле разузнала. Милиционер довел по адресу. Теперь сидит у меня в комнате и боится выходить. В коридоре запутается. Знаешь, ведь, какой большой дом-то?..

Василич дымил цыгаркой, зорко одним глазом поглядывал, как стальная серебряная стружка целым пучком тянулась к полу.

— Рада мать-то?.. — опять спросил Василич.

— Меня ведь и в живых не считали. Там дома-то, — бойко продолжал парнишка, — письма мои все не доходили... Полгода все мать собиралась приехать. Вот и приехала.

Тов. КЛЕМЕНТИЙ ЕФРЕМОВИЧ ВОРОШИЛОВ, вновь назначенный Председателем Реввоенсовета и Наркомвоенмор СССР.

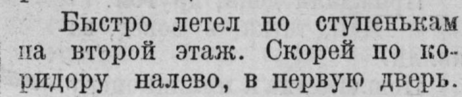
Уж скоро гудок. Рабочие обтирают руки чистой паклей и умываются. Пихают газеты в сумки и, закуривая новые цыгарки, толпятся у выхода.

Ну, вот и гудок. Шарахнулись рабочие из ворот.

— Пойдем, Кирюха! — зовет Василич.

Кирюха с сумкой первый из-за ворот.

Дом-коммуна, где жил Кирилл Пшенов, — большое 3-этажное здание, недалеко от завода. Кирюха жил с двумя товарищами в одной комнате.



Быстро летел по ступенькам на второй этаж. Скорей по коридору налево, в первую дверь.

— Вот и я!—крикнул Кирюха. Повесил свою сумку на гвоздь, повернулся.

— Ну, что, маманька, не соскучилась?

Мать, сгорбившаяся, с жилистыми руками. Засучив рукава и подоткнув подол, она в тазу стирала белье.

— Портки тебе надо постирать,—заботливо говорит она;— давай еще рубахи, какие есть.

— Все хорошо, сынок,—только вот примус твой никак не разожгу. Боюсь...

Вечером Кирюха водил ее в кино, в заводской клуб. Ничего не поняла старуха, и что теперь делается на свете—голову не приложишь.

— Ты, чай, сынок, теперь в коммунисты записался?—спросила она его.

— Нет. Меня еще не принимают. Вот осенью в фабзавуч поступлю, тогда в ячейку пойду.

Как-то к Кирюхе пришел и старый товарищ Горка. Мать было не узнала его — чистый больно да вежливый.

— А помнишь, тетенька, как ты нас молоком кормила? — смеется Горка.

Оставляет Кирюха мать жить в городе, у себя. Большая подмога ему, и товарищи рады.

— Нет, сынок. Умирать поеду к себе на родину —говорила она.—Куда уж мне, старухе... Это уже вам...

Завернула в тряпочку она подаренный сыном Кирюхой червонец, перекрестилась.

— Ну, проводи меня, сынок. Загостилась я у тебя.

Наложили ребята московских гостинцев ей целый сундучек, на вокзал проводили.

— Кланяйся там, маманька, Филину, Аркашке. Скажи, что приеду обязательно! В отпуск.

Ехала старая мать из чужого, большого города и на сердце у ней были две радости.

Одна — что своего пропавшего Кирюху нашла. Вторая — что не напрасно сына вырастила.

Н. Дорофеев

Валька вожак и Васька рыжий

1.

У Веригинских ребят любимое дело — играть в войну. Соберутся у пруда, разделятся на две партии и давай камнями швыряться. Сколько за год стекол оконных разобьют, сколько друг у друга носов поквасят, голов проломят! А пуще ребята любят кидаться в чужих. Проедет чужой по деревне — никто не утерпит, хоть земляным комочком, а обязательно кинется.

Васька Бухметов в какую бы игру ни играл, а все на конец деревни поглядывает. Слышал он, что на прошлой неделе в барское имение из города пионеры приехали, собрал он ребят и толкует:

— Ребят, вот бы с ними повоевать, мы обязательно бы их забидели, они, ведь, московские, небось, и кидаться-то не умеют.

У ребят в глазах огоньки забегали.

— Хорошо-бы...

Только Ванька Никоноров отговаривает:

— У них, ребят, ливарьверты. Они застрелить могут...

Васька и голову печально опустил.

— Вот окаянные-то... А? Ну, давайте, ребята, повоюемте.

Набрали ребята камней в подолы и карманы. Засвистели камни, завизжали ребята, и партия на партию наступает. Васькина партия забидела, погнали ребята другую на деревню, а Васька у пруда остался и в ручье камни на запас собирает. Набрал камней, взглянул на деревню, а свои тех все еще гонят. Сел Васька на берег и невольно с языка соскакивает:

— Хлеско, их...

Смурыгнул носом, оглянулся.

Идут к пруду трое парнишек в коротеньких порточках, а на шее красные платочки уголками свесились и развеваются.

У Васьки внутри от радости запрыгало, на лице улыбка забегала, рука по карману ударилась, и загремели камешки словно орехи.

— Эй, ребят, сюда — чужие!...

Не слышат свои, а чужие сравнялись и остановились.

— Здорово, парень, где здесь у вас председатель?

Хотел Васька кинуться, да Ванькины слова вспомнил, спросил:

— Вы не пионеры?

— Пионеры.

— Правда, у вас ливарьверты есть?

Засмеялись ребята, а самый большой по плечу Ваську похлопал.

— Чудной ты, на что нам револьверы-то, вот я и вожатый, и то у меня нет. Они нам не нужны.

Посмотрел Васька на красную букашку с буквами у вожатого на груди и с вопросом:

— А это что?

— Кимовский значек...

Не понял Васька, что это за букашка и опять посмотрел на деревню.

...Вожатый засмеялся, на рыжие Васькины волосы посмотрел...

— Ребят, давайте воевать, вы кидаться умеете?

Вожатый засмеялся, на рыжие Васькины волосы посмотрел.

— Ну, и воин, надо играми заниматься, а не воевавать. Вот погоди, мы вас играть выучим.

— Игры, игры, вот боишься, что забидим, и говоришь игры. Ну, пойдем к председателю-то.

Егор Петров третий год в председателях ходит. Сколько у него за это время и из города и из волости народа перебывало, а такие представители никогда не были. И невольно в голове мелькает: «Эх, сопляки, зря только председателя тревожите».

А вожатый смело этак с председателем, а глазами словно с'есть хочет, так насквозь и нзит.

— Я представитель пионерского отряда при заводе «Октябрьская Революция». Мы в лесу, в бывшем Цветовском имении, в лагерях стоим. Наши ребята будут у вас работать. Вы составьте списочек беднейших крестьян, и нас распределите для работ. А если вы мне не верите, могу бумажку представить.

Председатель вначале морщился, говорил рывком да со зла, а потом обошелся.

— Как, ребят, вас не тронули наши мальчишки? Прямо с ними никакого сладу нет. Чужому проезду не дают.

— Плохо воспитываете.

Председатель указал на подоткнутый под балкой кнут.

— Ведь порем, так порем иной раз — кровь ручьем.

2.

Среди Веригина столб с колокольчиком, а кругом столба бревна развалены. Сидят мужики на брев-

нах, головы свесили, скулы руками подперли. Много сегодня здесь дел порешили, сговорились, когда навоз возить, где пастьбу отвести, а теперь Егор Петров про пионеров речь завел:

— Так вот, мужики, стало-быть, эти самые пионеры будут неимущим помогать... По-моему, вот Пелагее Бухметовой надо троих в помогу дать—она семья красноармейца, дедушке Митрию, Пане Яшину—он и контузию на фронте получил.

Заворочались мужики, заелозили по бревнам, а Пелагея на середку вышла.

— Мужики, сделайте божецкую милость, я и так бедна, у меня своих сопляков полная изба. Они, помощники-то эти, набедят. В огороде-то морковины не оставят.

Дедушка Митрий тоже с поклоном:

— Ослобоните, век буду бога молить.

Митрий Сорокин на деревне первым мужиком считается. Семья у него большая, да взрослая, а сам по торговой части сызмальства. На сходке с ним только в голодные годы ругались, а теперь, кроме председателя, никто не перечит. Нахмурил Митрий брови и на неимущих глазами уперся.

— Не верите, могу бумажку представить...

— А, загоможились... Это вам не ситец из города прислали, не пшеничной муки... Привыкли от властей-то охватывать, вот вам теперь за прошлое-то ваша власть и дает награду. Я, мужики, предлагаю еще и председателю человечек пять в помощники. Он тоже любил за власть-то стоять, тоже гостинцы из города охватывал.

Смеются бородачи большесемейные, а неимущие столпились в кучу и кланяются.

— Сделайте милость, ослобоните...

— Со своими детьми сладу нет, а вы чужих навязываете.

Долго Егор Петров раздумывал, потом махнул рукой и смелее на сходку посмотрел.

— Я пятерых беру, кто еще возьмет—записывайтесь.

Бедняки языки прикусили, скучились и молчат, только Митрий лохматой головой трясет, бедняков подзадоривает.

— Кто хочет без обощу *) остаться, подписывайтесь.

Разошлась сходка. Егор Петров домой пришел зверь зверем. Жена чугун горячий картошки из печи на стол поставила. Облупил Егор картошину, взял на зуб, и словно вот не картошка это, а глина. В сторону отшвырнул и еще больше брови спустил. Жена выглянула из перегородки и руками развела.

— Что ты бесишься?.. Что ты, на левую ногу ступил, что ли, сердишься-то...

Не выходят у Егора из головы пионеры. Десятый раз обдумывает, как он их будет работать заставлять, и к концу каждой думы представляется ему огород, гряды ощипаны, ботва по бороздам навалена, капуста и та вся повыдергана.

— Эх, чорт меня догадал... Сказать бы, что у нас нет неимущих, вот и весь разговор. Небось, в другой деревне председатель-то на себя такую обузу не возьмет,—и невольно с языка соскочило:

— Лукерья, я пятерых пионеров себе в помощники взял.

За перегородкой глиняные плошки по полкам запрыгали, под печкой ухваты завозились, а слова у Лукерьи лезут в перегонку, никак и не остановишь.

— Дурак... Помощников... губитель... Теперь всю душу вымотают.

Долго у Егора в ушах гремел захлебистый Лукерьин голос, а сердце кошки царапают. Но вот выругался, ударил кулаком по столу, и закачался чугун, запрыгала картошка.

— Ну, уж будет скрипеть-то, скрипа! Мне и так тошно.

Выглянула последний раз свирепо Лукерья и в подполье ушла.

Егор сердито повернулся на лавке, взглянул в боковое окно, а там целая куча пионеров. Вчерашний сказал что-то пионерам и к Егору в избу.

— Здорово, товарищ-председатель. Из волости, из парт'ячейки я принес. Нас сегодня только десять человек, а завтра побольше соберемся.

Елозит Егор глазами по бумажке: «Товарищ Петров, окажите приехавшему к вам отряду пионеров завода «Октябрьская Революция» содействие по вовлечению их и ознакомлению с крестьянской работой. Распределите более трудоспособных ребят по нуждающимся. Постарайся пионеров познакомить с крестьянскими ребятами, может, быть им удастся их организовать в пионерский отряд и этим вовлечь крестьянских детей в советскую общественность».

Дальше еще было что-то написано, но у Егора в глазах буквы раз'ехались, а в голове опустошенный огород.

Лукерья в подполье с кринками возилась, а когда услышала звонкий голос вожатого из подпола, в лазею голову высунула.

— Пошто?.. Пошто? Уходите, чтобы ноги вашей не было...

Валька вожатый старшего звена «Юные Строители» в лагере за старшего остался и в отряде первым руководителем игр; без него никакого большого дела не начинают, а сейчас взглянул он на перекосившееся лицо Лукерьи и сразу опешил и к Егору прижался.

— Ничего я, тетя, плохого не делаю, я не знаю, что я плохого сделал...

А Лукерья больше кипятится, отругала Вальку, на Егора кинулась:

*) Без обощу—без овощей.

— Какой ты есть в доме хозяин, со всякими соплякамн время тянешь. Погляди, люди и дров на зиму запасли, и огороды как следует загородили. А мы словно безлюдьи какие, тын—через вяз колышек, гряды не полоты...

У Егора морщины на лице разгладились, ухмыльнулся и насмешливый взгляд на Лукерью перевел. Не выдержала Лукерья, улыбнулась.

— Ну, что, пес бородатый, смеешься?.. Вот из-за тебя все мучаться будем.

— Велико мученье,—и он ласково посмотрел на Вальку, потом деловым голосом к Лукерье:

— Надо дело делать, а то ждут ребята-то.

Лукерья знает, когда на себя дурь напускать. Если Егор с ней ругается, так она горло прорвет, а на своем настоит. Но раз Егор говорит деловито, она не перечит.

Егор с Валькой на улицу вышел. Осмотрел ребят, а у них лица веселые, глаза умные.

— Ребята, гряды полоть умеете?

— Научимся...

— А огород городить умеете?

— Научимся.

— Так у нас, ребята, нынче такое дело. Я вам сейчас дам топор, пусть двое сходят к ручью, ивняку для обивки изгороди нарубят. Девченки пусть с бабой идут гряды полоть, а которые посильнее да посмышленнее, со мной изгородь будут городить и колышки тесать.

Девчата запрыгали, у ребят на лицах улыбки заиграли, а Валька перекличку делает.

— Ну, товарищ-председатель, не беспокойся, мы сегодня ребят самых сильных выбрали, им и потруднее можно работу-то дать...

Вскоре на усадьбе закипела работа. Егор вынес топор и на корявом чурбаке стал колышки тесать. Вальке дал тупицу, клин и показал, как пробивать под колышки дыры. Когда пришли два парня от речки с пучками ивы, Егор стал около ребят паном похаживать. Егорка колышки тешет, Васька звеновой клином дыры пробивает, Гришка колья втыкает, а Валька ивняком обвивает. У кого что не клеится, Егор с толком об'яснит, да еще похвалит.

— Ничего, ребята, научитесь.

А на грядах, среди пионерок, Лукерья командует: Маньку на кортофельные гряды посадила, Клашку—на свекольные, Веру—на огуречные, а старшую Дуню Гаврилову—на морковные.

—Полите, девченки, только не дергайте морковь и брюкву.

Девчата с задором дергали траву, изредка вставали и распрямляли спины. Дуняшка Гаврилова смеялась:

— Вот, девчата, физкультура-то...

Егор с ребятами загородил тын от дома, прогнал стороной, и теперь гонят около овинов, по поперечной дороге. Но вот в деревне раздался крик проезжего торговца:

— Горшки, кадки, бруски, лопатки...

Не утерпела Лукерья, было, к дому отправилась—любит она покупать глиняную посуду. Но боится и уйти из огорода, хотя при старших девчата и стараются работать, а уйди, пожалуй, все в лоск положат. А на деревне все задорнее голос:

— Горшки, кадки, бруски, лопатки...

Не устояла Лукерья перед соблазном. Похвалила всех девчат, а Дуньку Гаврилову даже по голове погладила.

— А ты у них самая старшая, глядите, не дергайте ничего.

Без Лукерьи у девчат работа пошла быстрее, каждая думает, как бы угодить сердитой тетеньке. Дуська Гаврилова морковные гряды выполола и к Маньке на картофельные перешла. На свекольных у Клашки маленький кончик остался. Старается она во-всю, с лица пот градом, волосы хоть выжимай.

Вошла Лукерья в огород, посмотрела на девчат и улыбнулась. Смирилось у нее сердце, кажется, совсем баба размякла. Четыре дня ей бы работать в огороде, а вот пришли чужие, какие-то пионеры, и дело разом двинулось. Бывает хотя и в деревне помощь, но только в особых случаях—пожар ли случится или неуправка какая. А эти приехали и ни с того, ни с сего работать. В деревне свои такие-то есть да и то не заставь до пятнадцати лет работать: сами не поохотятся. Присела Лукерья на минутку к картофельнику, да, видно, вспомнила что-то. Вскочила— и к морковным грядам. Должно быть потеряла чего; всю сорную траву перебрала и пересмотрела. Но вот отошла к межнику, взвизгнула, выхватила из борозды тину морковную и завизжала:

— А вы тут без меня морковь драли...

Девчата столпились возле Лукерьи, смотрят на морковную ботву, отнекиваются.

— Нет, тетенька, это не мы, может быть, это ваши ребята.

Не верит Лукерья, ругается, кричит, а изо рта слюна во все стороны брызжет. Услышал Валька, что кричит Лукерья, в огород прибежал.

— В чем дело?

Лукерья трясет ботвой, ругается.

— Вы себя все какими-то умными по разговору-то считаете, а вот, глядите, это вы надергали...

...Вот, девчата, физкультура-то!..

У Вальки от досады губы передергиваются, голос из резкого каким-то глухим сделался, испуганным...

— Девчат, вы дергали?..

Отнекиваются девчата, дают честное пионерское слово, что не дергали. Другое сделалось у Вальки лицо, не дергаются губы, голос спокойный. Он уверен, что пионеры, если дают честное пионерское слово, то врать не будут.

— Ты, тетенька, успокойся, пионеры рвать не должны. У нас есть свои законы и обычаи, и ребята им подчиняются.

Не слушает Лукерья, пуще расходится. Смотрят на нее девчата и обидно им и чудно на нее. И у них матери при случае так же расходятся. Другой раз с соседкой по комнате из-за уборки кор дора разругаются, или из-за общей лестницы, из-за сарая, а эта тетенька, словно, ногу прищемила. Кричит, а сама не знает, зачем кричит.

Услышал Егор крик, глаза испуганными сделались, и крупным шагом на огород направился.

— Что ты с ними шумишь?

Схватила Лукерья ботву за самый кончик и вертит у Егора перед самым носом.

— Гляди, полюбуйся, набрал их, вот, видишь— морковь дергают.

Егор немного вроде опешил, а потом засмеялся.

— Великое дело морковина, небось, попробовать-то надо... Не зря они тебе работают.

Валька затоптался на месте.

— Это не мы, тов. председатель. Пионер держит слово... Мы не должны это делать. Чтобы на нас зря не говорили, надо сделать расследование...

За расследование первым принялся Егор. Взял он у Лукерьи ботву, вгляделся хорошенько и сердито на Лукерью:

— Эх, ты, перешница... не видишь—ботва-то вялая. Вчера приходила сестра с Митькой в гости, думаю: «какой гостинец дать». Пришел и выдернул. А ты, ишь, разоралась... дура...

Засжилась Лукерья; не знает, куда и глаза девать. Потом ляпнулась на землю и давай по земле тыкаться.

— Простите меня, девченки, дуру старую... Спасибо вам за работу, а я еще в благодарность вас ворами оклепала.

— А вы тут без меня морковь драли?

Валька насупился и Лукерью за руков с земли поднимает.

— Встань, тетенька, на коленях прощенье просить—есть пережиток старого режима.

Встала Лукерья, на глазах слезы, и опять в пояс девченкам закланялась.

— Простите меня, девушки, я вам за чаем по яичку сварю.

Валька с укором посмотрел на Лукерью, потом к девчатам обернулся:

— Продолжайте работу...

Когда Егор с Валькой подошли к ребятам, они уже гнали последнее звено. Егор посмотрел на старательных, подвижных ребят и ему стало стыдно за свое давешнее беспокойство, за Лукерью, за малоимущих сельчан. Но вон плетется по огуменной дороге Пелагея Бухметова, а за ней в притруску спешит рыжая Любка. Не утерпел Егор, из всей мочи закричал:

— Пелагея! Ей, иди-ка сюда!!!

Подошла Пелагея, смотрит на ребятишек, а Егор указательным пальцем на тын показывает.

— Полюбуйся... Вот вчера отказывалась от помощников-то, и тын до обеда-то загородили, и у бабы все гряды выпололи.

С'ежилась Пелагея, словно курица моченая, а Любка любуется на пионерские галстуки, на красненькую букашку. Спросила что-то мать, но Пелагея сердито толкнула ее, чтобы она молчала, и сама заскулила перед Егором.

— Егор, неуправно мне, какая, вот, Любка-то помощница... одиннадцатый год, а самой все: то печь истопить, то скотину управить. А Васька прямо от рук отбивается, то каменьями кидается, а сегодня с утра в лес побежал. Парню скоро четырнадцатый год пойдет, а он ни на какое дело и смотреть не хочет.

Вспомнил Валька боевого рыжего Ваську, который приглашал его воевать, и улыбка пробежала по лицу. Долго Пелагея жаловалась на нужду, на детей и когда кончила, Егор предложил:

— Дык, возьми ребят, они помогут, молодцы, брыт, они не нашим чета...

У Пелагеи голова словно на пружинах заходила, гнусит через нос, еле слышно.

— Нет уж, Егор Петрович, брать повременю, что будет в покос, а сейчас не репаюсь, со своими горе...

(Окончание следует)

Саша Волков

Надо ли пионеру учиться хуже всех

«Эх, учеба, ты, учеба,
Ты, учебушка моя,
Надоела, ты, учеба,
Лучше б не было тебя».

Вы не слышали таких частушек? Нет? Жаль! Это новые частушки. Их поют те пионеры, которым учеба в школе кажется хуже горькой редьки с горчицей.

Трудно в школе учиться, ох, как трудно, особенно пионерам, и главное непонятно, зачем пионерам учиться-то надо. Ведь мы, пионеры, носим красный галстук—мы идем на смену комсомолу. Мы, пионеры, не какие-нибудь там «беспартийные». Мы и так знаем больше других ребят.

А тут—учись, ходи в школу, приготовляй уроки, решай задачи, читай, пиши. И так работы много в отряде: звенья, отрядные сборы, кружки, комиссии, МОПР, Авиахим, Друг детей,— и не перечесть всего сразу.

Кто так говорит? Кто так хныкает по уголкам? Конечно, ребята, носящие красный галстук, но ничего общего с пионерами не имеющие. Хныкают так те, кто только на словах хочет быть пионером.

Разве можно без знаний построить новые фабрики, заводы, дома, аэропланы? Как бы не так! Неграмотный, ничего не знающий человек,—что слепой—мало что может видеть и делать.

Чтобы строить новую жизнь, надо знать, как она прежде шла. Надо сначала знать, как люди везде на белом свете живут. А спроси любого пионера, где в СССР находится Узбекская республика, он и не ответит. Надо знать, что есть в СССР разные места, где лесу больше, где нефти, где угля, где электричество добывают. Знать надо, что из леса выделывается, из нефти, из угля.

Знать все это нужно нам, пионерам, потому что ведь, когда мы вырастем, мы же будем хозяева. Через несколько лет мы вырастем, станем большими и станем сами управлять своей страной. Мы будем плохие хозяева, если не узнаем сейчас, что есть в нашей стране. А, ведь, за нас новую жизнь строить ни кто не будет.

Если мы не хотим вылезать из нужды, из нищеты, если мы хотим, чтобы наши отцы и матери работали в душных фабриках,—давайте бросим учиться.

Если мы не хотим летать на аэроплане, если мы не хотим заставлять солнце работать на нас, двигать машинами,—давайте бросим учиться.

Если мы не желаем знать, как быть здоровыми, как избавиться от болезней, — давайте бросим учиться.

Может быть, тогда фабрики сами построятся, одежда сама сошьется, нефть сама в керосин переделается, электричество само зажжется, а все микробы сами убегут.

Все замрет, приостановится, если мы не будем получать знаний, если мы все бросим учебу в школах.

И тогда скорее нас одолеют богачи. Ведь, они ждут, жадно ждут, чтобы мы не учились, чтобы мы были безграмотными.

Потому что неученую, безграмотную, ничего не знающую, Советскую страну легко заставить служить богачам.

Не хныкать, не бросать учебу в школе надо, а сделаться примером для всех ребят в учебе,—вот что должны делать пионеры.

Отлынивать, бросать учебу в школе—это есть позорнейшее для пионеров дело.

Пусть каждый форпост, звено, отряд зорко следит, как учатся пионеры, где надо, сообща помочь подготовляться, помочь достать учебники, кого надо подтянуть.

Пионеры должны зажечь своим примером всех школьников. А зажечь может лишь тот, кто сам горит. Пионер, отлынивающий от школы, похож на головешку, которая только воняет. Настоящий же пионер должен быть не головешкой, а ярким костром, зовущим к свету, к знаниям.

К этому именно звал всех Ленин.

Пастушонку Пете
Трудно жить на свете,—
Тонкой хворостиной
Управлять скотиной.

Если бы корова
Понимала слово,
То жилось бы Пете —
Лучше нет на свете.

Но коровы в спуске
На траве у леса,
Говоря по-русски,
Смыслят ни бельмеса.

Да как в спину втянет

Прямо кнутовищем

Им бы лишь мычалось,
Да трава качалась...
Трудно жить на свете
Пастушонку Пете.

. . . .

Хорошо весною
Думать под сосною,
Улыбаясь в дреме
О родимом доме.

Май все хорошеет;
Ели все игольчей.
На коровьей шее
Плачет колокольчик.

Плачет и смеется
На цветы и травы,
Голос раздается
Звоном средь дубравы.

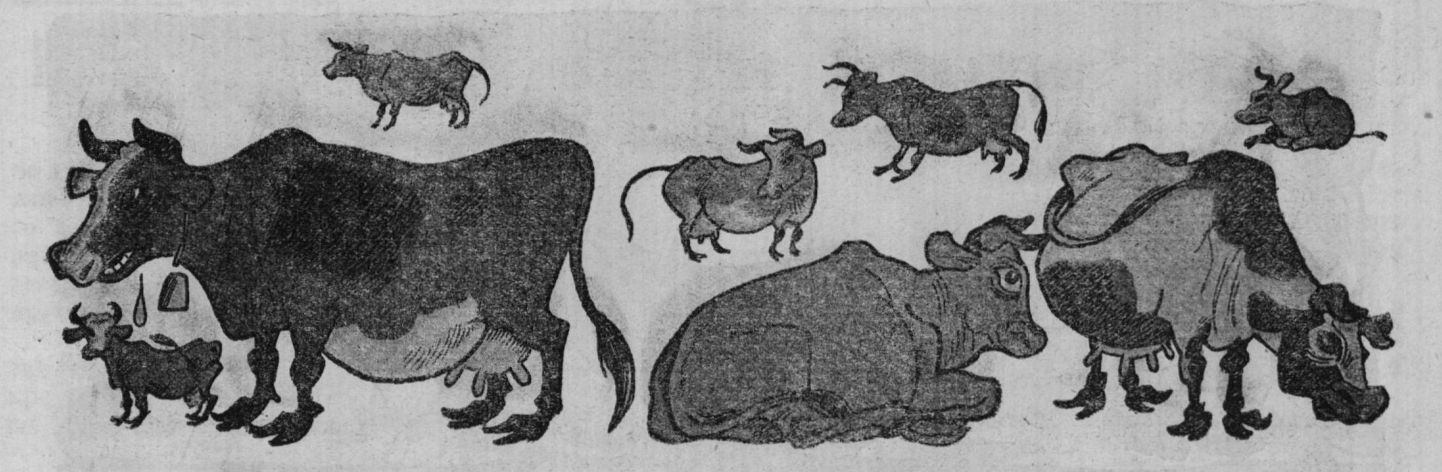
Пете пастушонку
Голоса не новы:
Он найдет сторонку,
Где звенят коровы.

Соберет всех в кучу,
На село отгонит;
Не получит взбучи —
Чести не уронит.

Любо хворостиной
Управлять скотиной.
В ночь у переселиц
Спи и плюй на месяц.

Ну, а если лето —
Песня плохо спета, —
Слишком много дела:
В поле рожь поспела.

Ах, уж не с того ли
Дни похорошели;



Все колосья в поле,
Как лебяжьи шеи.

Но беда на свете
Каждый час готова:
Зазевался Петя —
В рожь зайдет корова.

А мужик, как взглянет,
Разведет ручищей,
Да как в спину втянет
Прямо кнутовищем.

Тяжко хворостиной
Управлять скотиной.

Вот приходит осень
С цепью кленов голых,
Что шумит, как восемь
Чертенят веселых.

Мокрый лист с осины
И дорожных ивок
Так и хлещет в спину,
В спину и в загривок.

Елки ли, кусток ли —
Только вплоть до кожи
Сапоги промокли,
Одежонка — тоже.

Некому открыться.
Весь, как есть, пропащий
Вспуганная птица
Улетает в чащу.

И дрожишь полсутки
То душой, то телом.
Рассказать бы утке,
Утка улетела.

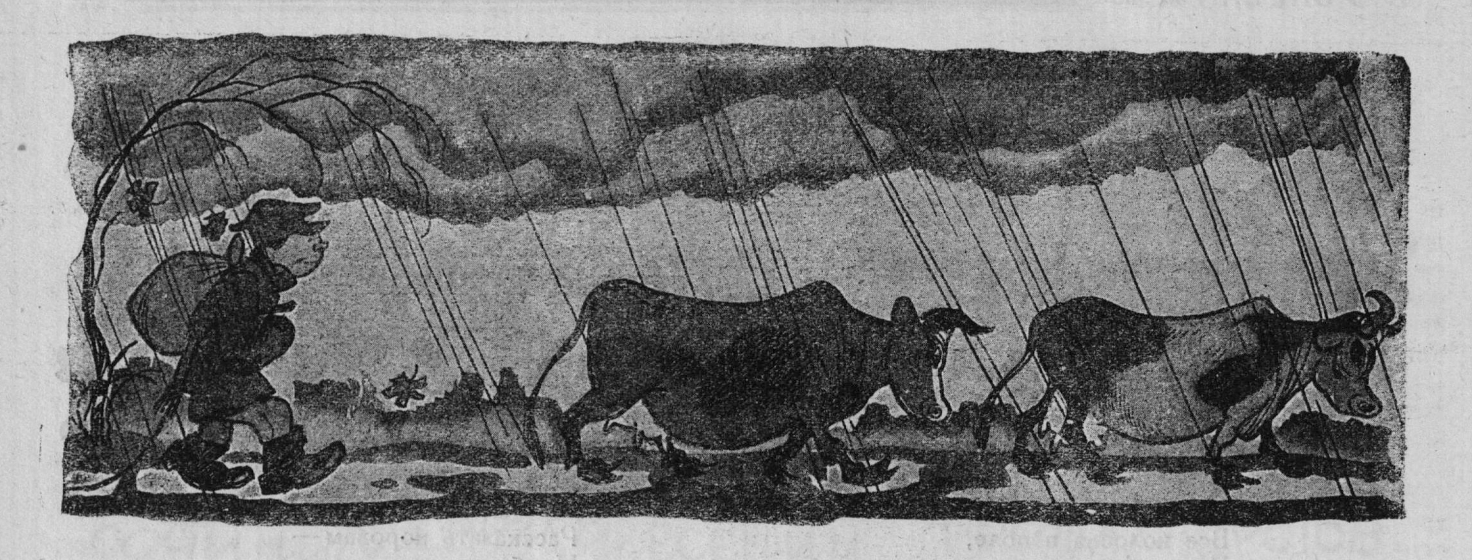
Рассказать дубравам —
У дубравы опадь.
Рассказать коровам —
Им бы только лопать.

Трудно хворостиной
Управлять скотиной.

Мыслит Петя с жаром:
„То ли дело в мире —
Жил он комиссаром
На своей квартире.

Знал бы все он сроки,
Был бы всех речистей,
Собирал оброки,
Да дороги чистил.

«То ли дело в мире
Жил он комиссаром
На своей квартире»



А по вязкой грязи,
По осенней тряске
Ездил в каждом разе
В волостной коляске.

И приснился Пете
Страшный сон на свете.
. . . .

Все доступно в мире:
Петя комиссаром,
На своей квартире
С толстым самоваром.

Чай пьет на террасе,
Ездит в тарантасе,
Лучше нет на свете
Жизни, чем у Пети.

Но всегда недаром
Служат комиссаром:
Нужно знать все сроки,
Чтоб сбирать оброки.

Чай, конечно, сладок,
А с вареньем — дважды.
Но блюсти порядок
Может, да не каждый.

Нужно знать законы.
Ну, а где же Пете.
Он еще иконы
Держит в волсовете.

А вокруг совета,
В дождь и непогоду,
С самого рассвета
Уймища народу.

Наш народ весь голый;
Что ни день, то с требой:
То построй им школу,
То давай им хлеба.

Кто им наморочил.
Кто им накудахтал.
Отчего-то очень
Стал им нужен трактор.

Ну, а где же Пете.
Он ведь пас скотину.
Понимал на свете
Только хворостину.

Взяли раз Петрушу
За живот, за душу —
Бросили в коляску,
Да как дали таску.

. . . .

Тут проснулся Петя...
Сладко жить на свете.

Встал. А день, что надо:
Солнечный, звенящий;
Легкая прохлада
Овевает чащи.

Петя с кротким словом
Говорит коровам:
„Не хочу и даром
Быть я комиссаром“.

А над ним береза,
Веткой утираясь,
Говорит сквозь слезы,
Тихо улыбаясь:

„Тяжело на свете
Быть для всех примером“.
Будь ты лучше, Петя,
Раньше пионером“.

Малышам в острастку,
В мокрый день осенний,
Написал ту сказку
Я—Сергей Есенин.

А. Коровенко

Как читать пионеру

Читают ребята книги совершенно непонятные

Мы начинаем привыкать во многих случаях обращаться к Ильичу. Брать с него пример. Учиться у него работать. Слушаться его советов. И это очень хорошая привычка.

Что же помогло Ильичу так много знать, так хорошо предвидеть, что у него учится весь мир?

Ответы нам дают лучшие друзья Ильича, его товарищи в борьбе, спутники его жизни. И все они в один голос говорят, что Ильич много читал. Сестра Владимира Ильича—Марья Ильинична говорит следующее:

«Еще совсем юным, в последних классах гимназии (В. И. окончил гимназию 17 л.) он проводил все вечера за книгами, за подготовкой к той революционной работе, которую он поставил целью своей жизни».

И в другом месте:

«Целыми днями Вл. Ильич проводил за книгами, отрываясь только для прогулки и для разговоров

Начатую книгу, не докончив, забрасывают в угол.

и споров с тем небольшим кружком товарищей, которые, так же, как и он, подготавливали себя к революционной работе. И это уменье работать, это упорство оставалось за ним всю его жизнь. И в ссылке, и заграницей он пользовался всяким свободным моментом, всяким свободным часом, чтобы отправиться в библиотеку».

Но умеем ли мы, пионеры, читать?

На это придется ответить отрицательно. И в самом деле:

Читаем мы без плана, без разбора, то, что под руку попадется.

Мне приходилось видеть в руках пионеров и лживые, слащавые рассказы Чарской и невероятные, сверхестественные подвиги Тарзана.

Приходилось встречать пионеров, державших в руках «Известия ЦИК», «Красную Новь» и другие книги, газеты и журналы, которые во многом пионерам непонятны, в то время, как у нас уже есть и «Пионерская Правда» и журнал «Пионер» и пионерские книги.

Вред от этого бессистемного, беспорядочного чтения огромный. Развивается верхоглядство, а полезные книжки остаются не прочитанными.

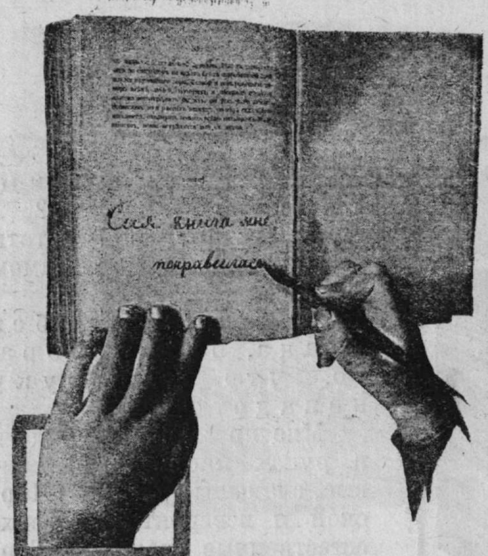
Часто пионер читает совершенно для него непонятную книгу и в результате «читает книгу, а видит фигу».

Читают ребята в сумраке, согнувшись «в три погибели»—от чего портятся глаза, сгибается спина, вдавливается грудь, голова не получает достаточного притока крови и в результате получается головная боль, сгорбленность, порча зрения.

Или читает пионер во время еды и приносит двойной вред и себе и книге. Во время еды внимание должно быть направлено на пищу, тогда мы ее прожуем получше и не спеша, а от этого пища лучше переварится и принесет больше пользы. При чтении во время еды мы настраиваемся на книгу, глотаем пищу, не прожевывая, давимся, обжигаемся, а это вредно. Да и чтению такому — грош цена.

„Соединяя приятное с полезным, читают за едой“.

Книга страдает от этого тоже не меньше. Даже если ты аккурат-



Мнение о книге должно быть в голове, а не на страницах книги.

ный парень,— не выльешь пол-ложки на страницу, не забрызгаешь книгу маслом, то уж крошки хлеба попадут в книгу обязательно. Книгу закроешь, страницы с хлебом слеплятся, и или ты сам, или другой читатель, дернув, изорвет страницу. Вообще книге у пионеров не везет.

Прихожу как-то к племяннице - пионерке. Она у меня любительница почитать. Вхожу—она не слышит. Вот, думаю, зачиталась. Подкрался на цыпочках, глянул в книгу, а на странице такие рожи моя пионерка вывела, что жуть взяла.

— «Что-ж это ты,—говорю ей,—книги-то портишь?»

— Да она все равно испорчена,—отвечает племянница.

И показывает: там угол надорван, половины одной страницы нет, от двух картинок—одни корешочки торчат. Мученица, а не книга, а в конце чернилами выведено: «Книга эта мне очень понравилась, как Мишка хлеба домой привез». Книга, между прочим, из отрядной библиотеки. Общественная вещь, к которой должно быть бережное отношение. А у нас ее пальцем или карандашем разрежут, так что с боков лохмотья торчат — вывернут наизнанку, обложка отскочит—сложат в трубку и в грязный карман запихают. Так с книгой обращаться нельзя.

Как же нужно читать, чтобы от книжки, от чтения получать побольше пользы?

Первое правило — не разбрасывайся, читай по плану, с разбором. План чтения ты сможешь получить у вожатого, у библиотекаря или у учителя. Смекни, сколько ты сможешь в день, в неделю, в месяц отдать времени на чтение. И по этому расчету подумай, сколько книг и какие именно книги тебе нужно прочесть в ближайшее время. Подумай, какие книги тебе будет важнее прочесть сначала. Только не читай случайно, не составляй списка на всю жизнь, а сознательно выбирай нужные для тебя книги.

Второе правило—руби дерево по себе—выбирай книжку по твоему развитию. Не бери слишком трудную, но и не останавливайся на очень легкой.

Приучай свою голову решать все более и более трудные задачи. И в этой работе тебе помогут вожатый и библиотека. Помогут и журналы пионерские, в которых отзывы о книгах есть. Помогут и газеты. Привыкай и сам разбираться, какая книга по тебе. Открой одну страницу, прочти несколько строчек и сразу увидишь: нет трудных слов, все понимаешь—значит, язык легкий. Посмотри еще две—три страницы в разных местах. Так постепенно научишься самостоятельно разбираться в книгах. Всегда просмотри оглавление. Это ворота книги и путеводитель по ней,—прочтя его, сообразишь, о чем в ней пишется.

Непрошенный художник.

Книги надо не только читать, но и прорабатывать. О том, как Вл. Ильич изучал книги, говорит М. И. Ульянова:

«Вл. Ильич умел не только читать книги, он умел изучать их, он штудировал, прорабатывал их, составлял конспекты, делал выписки. . .»

«У нас сохранилось много тетрадок и выписок, и по ним можно следить, какое громадное количество литературы по всем отраслям знания успел за свою жизнь проштудировать Ильич».

«Я с удивлением наблюдал,—рассказывает тов. Рязанов, — как тщательно и усердно читал этот пламенный революционер необходимые ему книги...»

Чтение в постели вредно для зрения.

Что читать

СЕРГЕЙ ГРИРОРЬЕВ.

«Тайна Ани Гай»—252 стр. Цена 1 руб. **«Сигнал Великанов»**—160 стр. Цена 60 коп. **«Красный Бакен»**—64 стр. Цена 30 коп. **«Мальчий Бунт»**—212 стр. Цена 1 руб. **«Белый Враг»**—88 стр. Цена 40 коп. **«Паровоз Э—т»**—54 стр. Цена 15 коп. Все издания Госиздата. **«Зуек Койзмен и Кок Асей»**—128 стр. Цена 85 коп. Издание «Новая Москва». **«С мешком за смертью»**—240 стр. Цена 65 коп. Изд. «Земля и Фабрика».

Есть ли у вас, ребята, в отрядной или школьной библиотеке повести и рассказы С. Григорьева? Нет? Ну, значит она малого стоит: в ней нет самого интересного из нынешней детской литературы.

Увлекательные, глубоко волнующие приключения ребят и героев повестей Григорьева не похожи на выдуманные фантастические похождения в старых романах. Нет «героев», благополучно спасающихся из пасти тигра, расправляющихся в одиночку с целым племенем краснокожих, и других такого рода «правдоподобных» событий. Местом действия рассказов Григорьева является наша необозримая родина, на равнинах которой в годы гражданской войны сшибались в кровавой схватке народы Советской страны с белогвардейскими насильниками.

В повестях «С мешком за смертью» и являющейся ее продолжением «*Тайна Ани Гай*» описываются приключения девочки, порвавшей с дворянской родней и примкнувшей к рабочей семье. В пылающем зареве сражений 1919 г. через бесчисленные фронты она пробирается к красноармейским отрядам из Мурмана на Волгу. оттуда с красноармейским отрядом на Каспий, затем в Персию, попадает в жестокие руки фабриканта-англичанина и, наконец, спасается бегством в Советскую Россию.

Из того же времени гражданской войны рассказы «*Красный Бакен*» и «*Белый враг*». В первом из них—голодающий мальчик Максимка, попавший на волжский военный пароход, спасает его от взрыва котлов, подготовленного предателем-механиком.

Повесть «*Мальчий Бунт*» описывает более далекие от нас времена зарождения рабочего движения. Мрачные 80 годы прошлого столетия. Первая стачка на орехово-зуевских текстильных фабриках, где царем и богом был знаменитый фабрикант Морозов. В стачке малыши-подручные играют роль «заводил» самой смелой части забастовщиков.

На далекий север, в Мурманский край, перебрасывает читателя повесть «*Зуек Койзмен и Кок Асей*». Русский парнишка Кузьма с поморского рыбачьего судна и кок (повар) Джонни с английского судна бегут оба от своих жестоких хозяев. Языка, кроме своего, ребята не знают, но это не мешает им так крепко подружиться, что каждый рискует жизнью за другого. Джонни спасает русское судно во время шторма, Кузьма с опасностью для жизни вытаскивает из пропасти гибнущего Джонни.

Из сборника «*Сигналы Великанов*» ребята, читающие «Пионер», знакомы с рассказом «*Тонькин Танк*» (из прошлогоднего октябрьского номера). Рассказ «*Сигналы Великанов*» рисует ребят нынешнего времени, увлекающихся радио, строящих радиостанцию, приводящую в изумление профессоров.

Эти воспоминания являются для нас следующим заветом, вытекающим из деятельности Вл. Ильича:

Изучай, прорабатывай читаемые книги, а для этого читай медленно. Вдумывайся в каждое слово. Отдавай себе ясный отчет о прочитанном. Почаще возвращайся обратно к прочитанному, чтобы вспомнить, что сказано было в начале.

Если попалось непонятное слово или непонятное место, обязательно его выясни. Достань словарик иностранных слов, спроси вожатого, учителя, в каждой библиотеке есть справочное бюро—обратись туда. Но обязательно уясни непонятное, иначе—зря потратишь время на чтение. Если в книге таких непонятных слов и мест много, значит она для тебя трудна. Поищи полегче книжку.

Вот основные правила чтения:

Береги глаза:

Не читай в сумерках и при очень ярком свете. Старайся, чтобы свет падал слева во время чтения.

Береги грудь:

Не нагибайся низко над книгой—и глаза портятся, и вдавливается грудь, хуже работают легкие и меньше крови притекает к голове. Сиди так, чтобы половина стула и ноги были под столом, не сиди долго на табуретке без спинки.

Не переутомляйся:

Освежай почаще воздух в той комнате, где ты читаешь—будет лучше работать голова. Не переутомляйся—перестань читать, как только поймаешь себя на том, что ты читаешь одними глазами, не продумываешь каждое слово, каждую строку. Читай на свежую голову—чтение с усталой головой пользы не принесет.

В одном номере нельзя коснуться всех сторон пионерской учебы и пионерской работы над книгой и с книгой.

Мы надеемся, что наши читатели напишут в журнал, о чем еще хотели бы они прочитать по затронутому в этой статье вопросу. И надеемся, что они поделятся с нами своим опытом в этом отношении, расскажут в своих письмах о своих достижениях и о своих неудачах.

В гамбургском порту

Очерк Н. Каринцева

Неприветливое январское утро. В Гамбургской гавани царит большое оживление. На маленьких быстрых лодочках снуют взад и вперед торговцы со своими товарами. Отправляются на повседневную работу служащие судоходных компаний, и через равномерные промежутки времени баркасы перевозят целые толпы доковых и судовых рабочих на места их работ. И мы садимся на небольшой пароход и едем осматривать гавань.

Мой спутник, гамбургский пароходный механик, спустился вниз в каюту читать газету. Гавань для него уже не представляет интереса. А меня приковывает к палубе то своеобразное зрелище, которое на всякого вновь приехавшего производит неизгладимое впечатление.

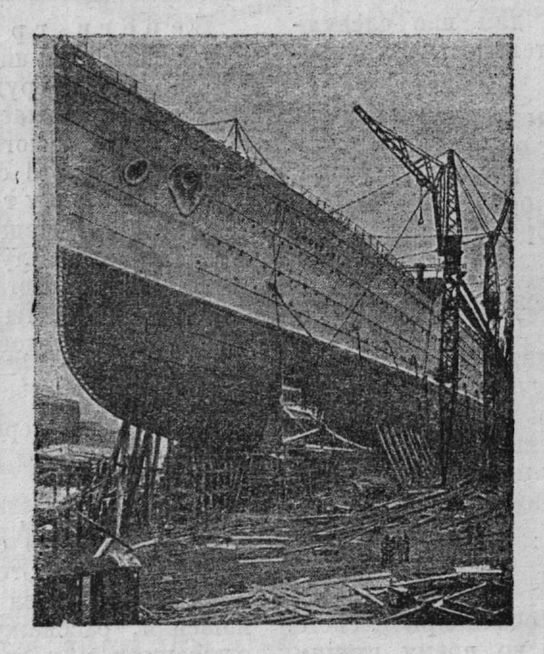
Мы проезжаем мимо больших корабельных верфей.

Знаете ли вы, что такое корабельная верфь? Там строятся корабли, верфи—колыбель океанских гигантов. На такой верфи прежде всего бросаются в глаза эллинги—громадные сквозные сараи из железных балок. Этот сарай таких невероятных размеров, что в нем свободно поместятся два больших дома.

В одном из эллингов лежал длинный железный остов строящегося парохода. Рабочие со своими инструментами лазили вокруг него по железным балкам, клепали, буравили, загибали, били молотом, а затем собирали отдельные части. Здесь же действовали две под'емные машины, или, как их называют, под'емные краны.

Груз подвешивают на гигантский крюк, паровик, пыхтя, подымает его кверху, поворачивает направо или налево, тащит на любое указанное место и опускает вниз. Вместо паровика часто ту же работу выполняет с своеобразным жужжанием электромотор.

Роль под'емного крана при судостроении очень важная. Без него невозможно было бы переносить тяжелые железные плиты и чугунные балки, нужные для корабля.



Строящийся пароход на верфи

— Вот в том доке лежит «Король Португалии»!—с этими словами ко мне обратился один из доковых рабочих, с первого же взгляда угадавший во мне постороннего.

Перед нами вытянулся корабельный корпус, у которого спереди большими золотыми буквами было написано название корабля.

Верхняя палуба его вместе с мачтами и трубами снята, и океанский великан производит довольно-таки жалкое впечатление. Он, действительно, болен. Из своего последнего плавания в Южную Америку он вернулся с разбитой кормой. Здесь его должны починить.

Его ввели в гигантский пловучий металлический ящик, в так называемый док. А в доке заперли затем входную дверь. Восемь насосов, приводимых в движение паровыми машинами, быстро выкачали воду из ящика. И теперь огромный корабль лежит уже на сухом месте, укрепленный цепями, рычагами, подставками. По его телу, словно муравьи, ползают доковые рабочие, чинят машины, исправляют каюты, испытывают снаружи и изнутри непроницаемость туловища корабля для воды, просмаливают и красят заново корпус. После такого ремонта великан скоро снова пойдет в плавание.

Все новые предметы привлекают мое внимание. На берегу расположены громадные склады всевозможных товаров: хлеба, керосина, хлопка, табаку, пряжи, металлических изделий, тканей, машин и деревянных изделий. Здесь складывают и отсюда отправляют все, что собирается торговлей и обменом со всего света. Это—крепости гамбургских купцов.

Отсюда они господствуют и над землей и над морями. Они закупают в далеких странах все, что производят земля и люди, перевозят товары на своих кораблях и продают их там с барышем.

Суда разнообразной конструкции тянутся мимо нас,—живописная картина, полная жизни и энергичной работы.

Вот мы и доехали до цели нашего путешествия—пора выходить. Моему приятелю удалось справиться со своей газетой, и он карабкается из каюты на палубу.

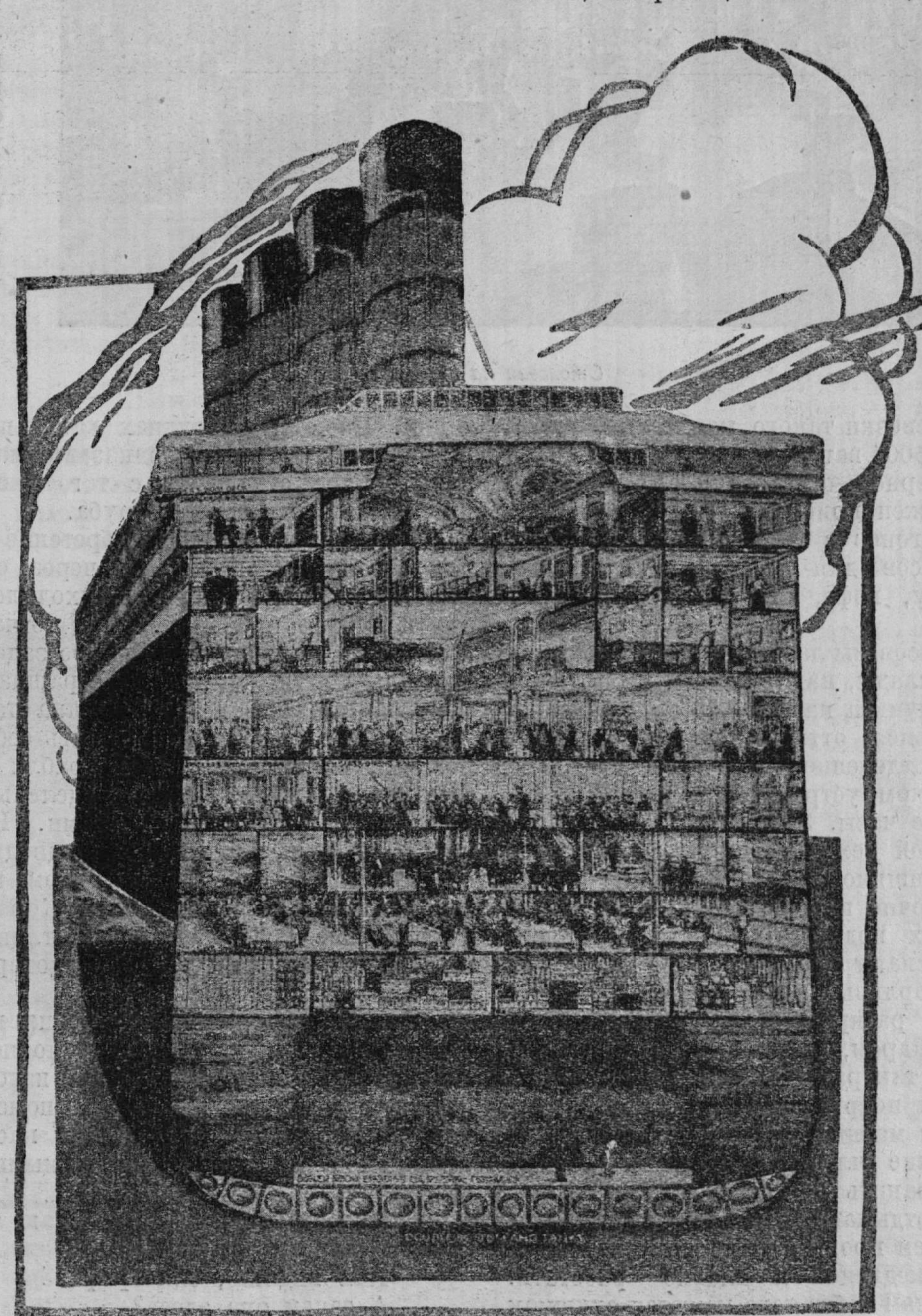
Мы идем к управлению линии Гамбург—Америка —компании, владеющей громадным числом гигантских судов. Ее красные здания сами по себе представляют целый поселок. Машинное отделение сразу бросается в глаза своей высокой трубой.

Отсюда из электрической центральной станции получают электрическую энергию под'емные краны, а электрический свет подводится к амбарам и пристаням. Толпа рабочих разгружает товары со стоящих на якоре судов.

Мы идем вдоль набережной. Перед нами «Америка»—один из самых больших пароходов в свете. Моего приятеля забавляет удивление, с каким я смотрю на это морское чудище.

Но как не удивляться? Просто затрудняешься дать представление о его размерах.

На гамбургской ратуше (городской думе)—башня одна из самых больших в мире. Поставьте две гамбургские башни одна на другую и вы получите длину «Америки». А об ее высоте вы можете судить по тому, что от самого низа судна, от того места, где помещается паровой котел, до капитанского мостика целых десять этажей.



Разрез океанского парохода

Мой друг прочитал мне целую лекцию о том, как строился этот корабль. Я запоминаю, прежде всего цифры, какие он мне приводил.

«Америка» переезжает через океан в $7^1/_2$ дней; вместить она может до 4.000 человек. Экипаж ее состоит из 600 человек—из капитана, его помощников, матросов, машинистов, кочегаров, грузчиков угля, буфетчиков, пекарей, мясников и т. п. Затем на корабле 500 мест для пассажиров первого класса, 300 — для пассажиров второго, 300 — для третьего класса, и, наконец, 2300 мест на палубе.

— Этот корабль — словно маленькое классовое государство, в котором путешественники размещаются по толщине своего кошелька,—замечаю я своему другу.

— Ты безусловно прав и в этом сейчас убедишься,—отвечает он.

Мы взбираемся по длинному кривому мосту, меня представляют дежурному помощнику капитана, и мы получаем разрешение осмотреть «Америку».

С капитанского мостика мы смотрим вниз на суетливую толкотню судовых рабочих и служащих, неутомимо опускающих в чрево корабля-гиганта все новые бочки и ящики, тюки и корзины. Я мысленно сравниваю этот океанский пароход с пловучей гостиницей.

— А, ведь, порядочно-таки провианта нужно захватить для 4.000 человек!—обращаюсь я снова к своему спутнику.

— Разумеется, вот тебе цифры! Прежде всего, пароходу необходимо запастись пропитанием для самого себя, т.-е. углем для топки котлов; нужно, чтобы у него хватило силы выполнить с определенной скоростью свою работу. На одну поездку запасают с собой 5.000 тонн угля. Попробуй рассчитать, сколько железнодорожных поездов потребуется для перевозки такого количества угля?

— Необходимо 500 вагонов.

— Совершенно верно,—отвечает мой приятель.— Но к этому ты должен прибавить еще один поезд, по крайней мере, вагонов в 25 для перевозки всех необходимых припасов для $7^1/_2$-дневного путешествия: мяса, сахару, кофе, молока и различных напитков.

В течение трех часов мы лазим по кораблю, осматриваем товарные склады, каюты, залы, взбираемся до самого высшего пункта на нем—до капитанского мостика, и спускаемся оттуда десятью этажами ниже—в машинное отделение.

Об его техническом устройстве я мог бы рассказывать вам целые часы. Этот корабль—действительное чудо морской техники.

Мы—внизу, в машинном отделении. Взад и вперед в адской жаре точно призраки снуют здесь фигуры кочегаров и их подручных. Голые до пояса, в одних штанах, таскают они и бросают все новые массы угля в прожорливые пасти котлов. А когда эти огненные пасти раскрываются, из них пышет таким нестерпимым жаром, что просто недоумеваешь, как это люди могут там работать!

Машинисты и их подручные (масленщики) ухаживают за судовыми машинами: они чистят их блестящие металлические члены, смазывают маслом поршни, чтобы сохранить легкость хода.

Сейчас машины отдыхают. Но вот откроют клапаны, пар с шипеньем пройдет в поршни, и весь механизм примется медленно и плавно работать. И в машинной, где нам и без того кажется слишком тесно, узкие, но крепкие стальные члены с неутомимой силой будут вращать винтовой вал. Судно пойдет, и ту работу, которую выполнял прежде человек веслом и силой своих мускулов, выполняет теперь мертвая машина.

Машина управляет и рулем. Она прилажена к его корме, и капитан распоряжается привести ее в движение всякий раз, когда нужно повернуть гиганта. Машины же выбрасывают и подымают тяжелые якоря. Лоцман, который прежде мог собственной силой управлять судном, теперь превратился в простого надсмотрщика за машинами.

Столовая на пароходе

Особенно резко бросается в глаза перемена в сигнализации. На старых суднах капитан со своего мостика отдавал в рупор приказания матросам. А вниз, в машинное отделение, с того же мостика была проведена переговорная труба.

Но самое главное приобретение человека—полная безопасность переезда через океан на таких кораблях. Плохо прежде приходилось судну, если оно получало пробоину. Вода тотчас же заливала его, и если не удавалось быстро заделать отверстия, корабль тонул. Это была страшная опасность, и не мало погибло на дне океана таких судов.

А сейчас умеют предохранить себя от гибельных последствий течи. Корпус корабля делят на большое число клеток. Клетки отделены друг от друга непроницаемыми перегородками. Если на судне откроется течь, будь это от подводного камня или от столкновения с другим судном, вода не распространится по всему кораблю. Корабль не затонет. Современное судостроение заботливо предусматривает все до мелочей, чтобы предотвратить все опасности океанского плавания.

Верхом чудесного, однако, на корабле следует считать применение беспроволочного телеграфа. Во время нашего осмотра мы натолкнулись на небольшую комнату, в которой помещалась настоящая типография с наборными кассами, печатной машиной и другими необходимыми принадлежностями.

— Что это такое?—спрашиваю я. Мой спутник не затрудняется ответом.

— Как видишь, типография!

— А зачем она здесь?

— Для того, чтобы печатать газету.

Он смеется над моей недоумевающей физиономией.

— Да ведь люди целую неделю в дороге среди открытого моря, им же нужна газета. Они хотят знать, что случилось на свете за то время, когда они в море. Не так ли?

Р. Роман

Книжные потрошители

Однажды заехал в город У, и так как других ночлегов не оказалось, заночевал в местном пионерском клубе.

Лег и заснул.

Сколько времени я спал,—не знаю. Только слышу сквозь сон голоса, и такие ожесточенные, что где уж там спать—за целость ушей опасайся.

Просыпаюсь и вижу... вижу такое, что начинаю сомневаться, все ли у меня клепки в голове целы и не надо ли мне заблаговременно отправляться на Канатчикову дачу.

Вижу я—ходят по комнате... книги. Да, да. Ходят книги. Ходят себе эти книги, страницами размахивают, корешками потрясают и ругательски ругают местных пионеров. Галдеж подняли страшный, аж стекла дрожат.

Наконец, одна из книг, забравшись на стол и дождавшись относительной тишины, заговорила звонким голосом:

— Товарищи, если мы будем так галдеть, то никогда ни до чего не договоримся. Предлагаю провести организованное собрание. Прошу наметить председателя.

— »Прибавочная стоимость».

— «Дети труда и борьбы».

— «Паровоз ЭТ 5324».

— «На капиталистической каторге».

Посыпались диковинные имена кандидатов.

— Снимаю свою кандидатуру,— раздался из дальнего угла густой бас.

— Почему, товарищ? Прибавочвочная стоимость?

— Почему?.. — посыпались голоса.

— Товарищи, я знаю, что я достойна всякого уважения, так как меня написал гениальный Карл Маркс. Но все дело то в том, что прежде, чем читать меня, надо прочесть уйму книг, иначе, как говорят, мозга за мозгу зайдет. Свое присутствие в пионерской библиотеке я считаю недоразумением. Вы же,—пионерские книги, вы имеете с пионерами больше общения. Лучше их знаете, вы и должные вести собрание.

— Нет возражений?

— Нет.

— Принимается. Приступаем к голосованию.

Председателем оказалась книга «Паровоз ЭТ 5324». Председатель имел весьма жалкий вид, так как задней обложки на нем не было, вместо заголовка красовалось чернильное пятно и из середки лезли какие-то грязные лохмотья и лоскуты. Прямо, беспризорный какой-то, а не книга.

— На повестке дня нашего экстренного собрания стоит только один вопрос: «О плачевном положении книг у нас в библиотеке». Слово имеет «На капиталистической каторге».

Сердце у меня сжалось, когда я увидел оратора,—так плачевно выглядели те лохмотья, которые когда-то (так еще недавно) были новенькими, чистенькими страницами.

— Товарищи. Мне трудно говорить, так как все мое тело изодрано и изранено. Меня называют «На капиталистической каторге», я рассказываю своими страницами о тех мучениях, которым подвергаются юные труженики в капиталистических странах.

Но никакие зверства не сравняются с теми, которые я вынесла в этом пионерском клубе.

— Товарищи, судите сами. Прибыла я в пионерский клуб чи-

— Прекрасно, я понимаю, что печатать газету в пути возможно, но как же получать свежие новости с материка?

— По беспроволочному телеграфу.—И он указал мне на высокую мачту, которая служит для приема радиотелеграмм.

В пути каждый пассажир может снестись в любую минуту и в любом месте океана с материком. Переплывая Атлантический океан, путешественник получает каждое утро самые последние новости.

Так заботится техника о том, чтобы человек и в далеком море не чувствовал себя оторванным от остального света.

Посмотрим теперь, как устроены на этом корабле помещения для пассажиров.

Мы входим в отделение для пассажиров первого класса, убранное со всей возможной роскошью.

Рядом с каютами—поразительная роскошь общих салонов. Первую минуту кажется, что здесь какое - то блестящее празднество. На роскошных креслах с шелковыми подушками за спиной покоятся изящно одетые мужчины и дамы—праздное общество, которому чужды жизненные заботы и лишения. В корзинках и вазах расставлены и развешаны цветы и гирлянды, зал превращен в чудесный сад. Огромные, сплошные окна открывают вид на широкое море.

— Придя домой, сел мой, извините за выражение, читатель обедать. Вытащил меня из кармана, и давай два дела зараз делать— обедать и читать.

— Чего я тут ни натерпелась! Ложку супа мой читатель в рот положит, а пол-ложки—на меня прольет. Куски с тарелки на меня, как блохи, прыгают, только успевай страницы подставлять.

Но это еще не все. Увлекла я, должно быть, моего горе-читателя, и стал он меня, на мое несчастье, в постели ночью читать. Почитал, да и заснул, а меня в такую пылищу да грязищу уронил, что всякий, кто решится меня сейчас понюхать, обязательно чихнет.

— Товарищи, надо положить конец такому обращению с нами. Об'единимся и заявим решительный протест. Я кончила.

Стали выступать и другие книги. И картина преступлений читателя развертывалась все шире.

— Товарищи! Не дайте погибнуть во цвете лет,—молила книга «Крепостные дети».—Я не виновата, что, в виду моего основательного веса, меня чаще всего употребляют для бросания в чужой нос и для битья по башке. А у меня из-за этих милых обычаев 30 страниц не хватает. Кто меня читать теперь будет?

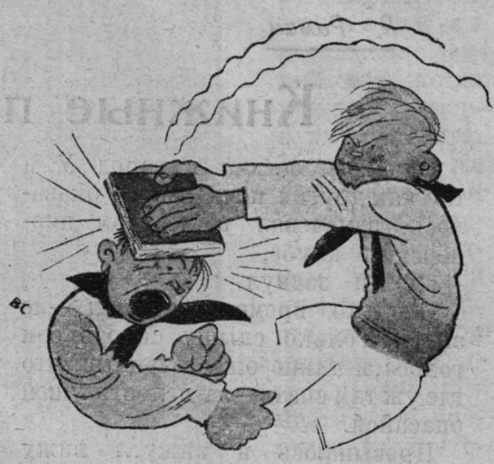
— Товарищи!—гудела в «громкоговоритель» брошюра «Помощь радио-любителю».—Вы думаете, что я еще куда-нибудь гожусь? Напрасно. Вот взял меня один основательный радио-заяц, хотел было по моим указаниям приемник строить,—глядь, главы о детекторе нет. Где глава? Куда подевалась? А ее-то, голубушку, прежний читатель, короткое замыкание ему в ухо, взял и вырвал. На память, должно быть, или селедку завернуть. Да еще расписался: «Эту книгу прочел с удовольствием Колька Шкетов». На каждой странице расписался, антенной его по башке!

стенькая, аккуратненькая, точь-в-точь вновь назначенный вожатый.

— Лежу, дожидаюсь читателей. И вижу идет ко мне этот самый читатель, и не нравится он мне—страсть! Посмотрела я ему на руки и чуть не умерла от ужаса—черней ваксы!

— Как же, думаю, он меня этими лапами возьмет, а он хоть бы что, — сморкнулся, загреб меня всей пятерней, оставил следы всех пальцев на обложке, согнул пополам, да и в карман сунул.

— А в кармане то... О, Маркс и Энгельс, чего у него только не было в кармане! Прямо музей грязи или коллекция мусора. Но ужаснее всего оказался бутерброд с маслом. Этот бутерброд с маслом отравил мне все существование, так как хлеб тер мою обложку, а масло... Никаких преград это масло не признавало. Сквозь все 88 страниц прошло.



К общему возмущению пробовали примазаться и сомнительные книги.

— Граждане,—заговорила, сильно картавя и жеманничая, какая-то книга Лидии Чарской. Я возмущена до глубины души. Какие-то кухаркины дети так варварски обращаются с моими институтками, грязные лапы...

— Так тебе и нужно, институтская крыса,—оборвал ее «Костровской колдунок».—На помойку бы такие книги.

Тут поднялся невероятный гам, так как с Лидией Чарской приключилась истерика. К ней на помощь поспешил «Месс-Менд», «Костровской колдунок» вступился за «Паровоз». «Паровоз» саданул меня в пылу боя по голове, я и проснулся.

— Ну, и сон,—подумал я,—удивительный сон. Всем бы пионерам его увидать.

С пассажирами третьего класса—рабочими, ремесленниками—церемонятся меньше. Здесь все носит казарменный характер. Грубые койки, простые деревянные столы и стулья и все остальное в таком же роде должно удовлетворять лишь самые скромные потребности.

Но самое гнетущее впечатление производят помещения четвертого класса—палубных пассажиров. Для судовладельцев это не люди, а перевозочная кладь.

В длинных низких каютах наставлены в несколько этажей нары; здесь теснятся и спят вместе с мужчинами женщины и дети.

Только голь перекатная переезжает океан в четвертом классе. Это эмигранты, отбросы жизни, пасынки своей родины, на долю которых у ней не нашлось ни работы, ни хлеба. Они едут в Новый Свет, рассчитывая завоевать и устроить себе там новую жизнь.

А позднее те же толпы обманутых надеждами возвращаются назад, встретив на чужбине лишь нужду и лишения.

Печальная жизнь этих бедняков встает перед нашими глазами, когда мы проходим это отделение. Она изменится лишь тогда, когда гигантские пароходы, как и железные дороги, станут достоянием самих трудящихся.

Как сделать полку

Полки всюду нужны и потому надо научиться их делать. Устраиваются они по-разному.

Подобрать и выстругать доску, нужную для полки,—дело нехитрое, а вот задача—каким способом эту доску прикрепить к стене, чтобы она держалась. Для этого есть много разных способов. Мы здесь опишем, как сделать полку, которая прикрепляется к стене посредством кронштейнов (деревянных углов).

Доска

Доску для полки нужно сделать длиною около 1 метра, а шириной сантиметров в 20—25, в зависимости от того, для чего предназначается полка. Доска должна быть гладко выстругана и правильной формы.

Чтобы проверить, правильна ли поверхность доски, надо приложить к доске линейку ребром в разных направлениях,—поперек, и вдоль, и наискось. Кривизна сразу обнаружится.

Концы доски должны быть отпилены под прямым углом. Для этого надо вычерчивать линию отреза по наугольнику, и после того, как доска будет выстругана со всех сторон, надо проверить угол, приложив наугольник.

Одно ребро полки округляется рубанком, концы сравниваются также рубанком, края округляются стамеской и потом рашпилем—крупным напильником.

После этого всю доску сглаживают стеклянной бумагой. Для того, чтобы удобнее это сделать, стеклянную бумагу навертывают на деревянный брусочек. Тогда бумага не мнется, и скорее идет дело (см. рисунки).

Кронштейн

Когда доска для полки будет готова, тогда приступают к изготовлению кронштейнов. Их надо сделать два (см. рис.).

Для изготовления каждого кронштейна надо выстругать три бруска. Бруски делаются в 3 см. толщиной и сантиметров в 5 шириной (на рис. слева внизу изображен кронштейн в разобранном виде).

Один брусок делается 30 см. длиной (он прикрепляется к стене). В нем делаются две выемки—одна для поперечного бруска на расстоянии 5 см. от края, и другая внизу, для бруска, который служит распоркой.

Выемка делается таким образом: проводят карандашем по наугольнику линию, отстоящую от края бруска на 5 см., рядом с этой линией проводят параллельно другую на расстоянии, равном толщине вставляемого бруска. Потом надрезают по линиям пилой приблизительно до половины толщины бруска, и стамеской вынимают часть дерева между надрезками.

Так же делают выемку внизу бруска для распорки, с той лишь разницей, что верхний край вырезки будет не прямоугольный, а скошен, так как распорка стоит наискось.

В верхнем (поперечном) бруске кронштейна делается одна выемка для распорки (см. рис.). Конец этого бруска и оба конца основного бруска—округляются.

Сборка

На рис. слева кронштейн изображен в собранном виде. Бруски плотно входят в выемки и скрепляются гвоздями.

Кронштейны прибиваются к стене двумя гвоздями, или привинчиваются винтами, для чего можно заранее провернуть в брусках дырочки, после чего к кронштейнам, винтами или тоже гвоздями, прикрепляется доска.

Как сделать табуретку

Доску в 6 см. толщиною и длиною в 45 см. тщательно выстругивают с обеих сторон. Из этой доски вырезаются квадратные брусья в 5 см., толщиной—один брус для стойки и два для основания табуретки.

Стойка

Для стойки нужен брус длиною в 45 см. С обоих концов бруска делаются шипы длиной по 5 см. Делают их так: надо очертить линии с помощью наугольника на конце бруса со всех сторон, отступая от края по 5 см. (рис. 1). Потом по очерченным линиям пропилить пилою на глубину в 1 см. и сколоть стамеской запиленные части дерева (рис. 2), тогда остается квадратный шип высотою в 5 см. и шириною в 3 см. (рис. 3).

Основание

Основание делается из двух равных брусьев длиною 35 см каждый. Отметив от концев бруска по 15 см. у нас остается в средине бруска квадрат в 5 см. В этом месте надо сделать прямоугольную выемку, которая точно соответствовала бы толщине и ширине второго бруска. Для этого лучше второй брусок наложить на первый (рис. 4) и очертить его ширину карандашем или острием ножа. По очерченным линиям пропиливаем брусок до половины (рис. 5). То же делаем и с другим бруском. Стамеской выковыриваем дерево, чтобы получилась ровная прямоугольная выемка. Срезать стамеской дерево из выемки надо к краям вырезки (рис. 6). Как работать стамеской и какие части дерева снимаются, показано на рисунке 7). Вынув стамеской части дерева у прорезов, оставшееся возвышение срезают, наставляя стамеску сбоку.

Если такую же прямоугольную вырезку сделаем в другом бруске, то, положив бруски один на другой получим основание (рис. 9).

Бруски должны плотно приходится друг к другу.

В средине основания, сквозь два сложанных бруска, прорезаем стамеской черырехугольное квадратное отверстие шириною в 3 см. Это отверстие приготовляется для шипа стойки, который должен в нее плотно входить.

На концах основания, снизу, прибиваются гвоздями четыре квадратные планки, по одной на каждом конце.

Упоры

Упорами служат вырезанные из доски 4 прямоугольных треугольника.

Доску надо взять потоньше, чем та, из которой вырезали брусья. Треугольники делаются высотой в 20 см. и основанием в 10 см.

Сиденье

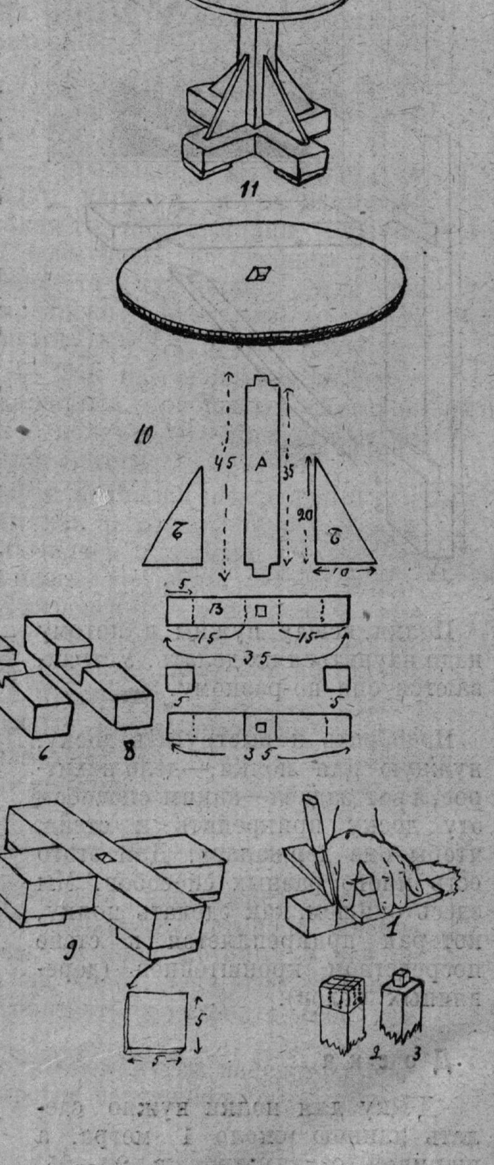
Делается из толстой доски, овальное, шириною в 25 см. и длиною в 35 см.

Сборка

Накладываем два бруска основанием друг на друга вырезанными частями. Потом вставляем шип стойки в отверстие, предварительно смазав его клеем. Шип должен приходится очень плотно. С обратной стороны вбивают в шип несколько клиньев. Обыкновенно для того, чтобы шип крепко сидел в гнезде, делают отверстие для шипа несколько меньше шипа, а конец шипа слегка подстругивают, чтобы он с трудом входил в отверстие. Вгоняют шип в отверстие ударами молотка.

Укрепив стойку, набиваем упоры-треугольники. Упоры прибиваются как к стойке, так и к основанию. Сиденье одевается на шип стойки также с клеем и расклинивается.

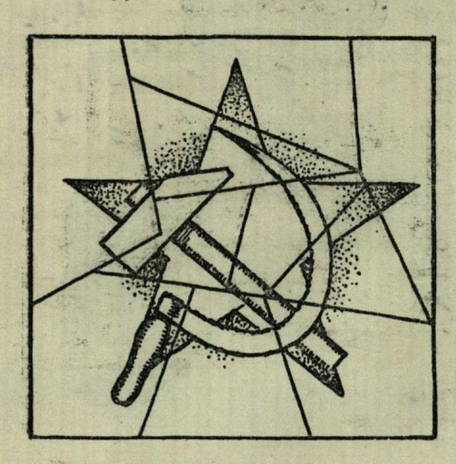
Табуретка в разобранном и собранном виде изображена на нашем рис. (10 и 11).



Главлит № 50798. 5-я тип. „Транспечати" НКПС „Пролетарское Слово", Южный пер., д. 4. Тираж 30.000.

Решение задач, помещенных в №№ 18, 20, 21 и 22.

Задача № 8 (из № 18).



Задача № 9 (из № 18).

На картине находятся следующие предметы (расположены в порядке чтения лозунга):

Кобыла, стенгазета, газета, козлы, окно, шкаф, занавеска, книга, рояль, Ленин, дверь, кот, Рыков, пионер, лампа, рамка, стул, банка, примус, ваза, сумка, знамя.

«Без знания нет коммунизма».

Логогрифм (из № 22).

Танк — Банк.

ШАРАДА (из № 21).

Ко—операция.

Шуточные вопросы

1) С—е—ребро.
2) С—к—от.
3) Пол—е.
4) О Си—до—ре.

Задача букв (из № 22).

К	у	р	о	к	У
Р	а	в	а	т	С
Е	н	ь	е	о	Д
П	о	о	л	я	Е
И	у	м	к	а	Р
С	о	н	а	т	Е
М	а	к	к	о	В
Ы	т	о	н	о	Н
Ч	а	с	ы	л	Е
К	а	р	а	к	Й

„Крепи смычку с деревней".

Загадачное письмо (из № 22).

В письме было написано:

„Чистота—залог здоровья".

1. 19. 3. 17. 5. 15. 7. 13. 9. 11.
20. 2. 18. 4. 16. 6. 14. 8. 12. 10.

Цифры показывают порядок чтения лозунга.

Ребус—шарада („Пионер" № 20).

Го(д) под ни 26	ма(ть)ния 27	и при 28	ст(о)а вить 29	о 30	цел(ь) о 31
лег ко(т) 25	всег 4	да 5	ать се 12	б (л)я 13	ǝdɐɔ(о) 32
для 24	б(ж)укву 3	п ро (й) 6	п (н)ожвє 11	хоч(р)ешь 14	тет на де 33
служит 23	вую 2	из нос 7	ɐu 10	к эт 15	реве 34
ро(й)е 22	(ɐ)uǝd 1	ишь 8	(о)ког 9	ой 16	вкус 35
кото 21	назва-ние 20	ст(о)а ви ть 19	п(т)ри 18	б(ж)ук ве 17	но(с)е (э)он о 36

Первую букву всегда произнесешь,
Когда показать себя хочешь.
К этой букве приставить название,
Которое служит для поднимания,
И приставить О.
Целое растет на дереве,
Вкусное оно.

Я—БЛОК—О.

Правильные решения прислали:

Александров К., Воронов Г., Илькевич С., Маркович М., Тителев А., Цитровин Н., Якимович М., Ярцев Н., М. Солодарь, С. Беленький, Серебровский, Рупп М., Тюгаев М., Старчиков В., Яковлев А., интернатцы Ржевской жел.-дор. школы 7-летки № 2, Лопатин Р., Лауриц А., Власова Ал., Щелкова Ф., Аристов В., Семенов В., Крайнов П., Хватовская Т., Попов Ан., Луховцев Ал., Магидович Е. Рысин В., Савин А., Лихвинцев Н., Котфельд Ю., Былевский А., Тимофеев В., Росливкер, Нечанов А., Ионов А., Матвеев В., Устинова И., Павлович Л., Левин А., Кривенецкий В.

Ответы:

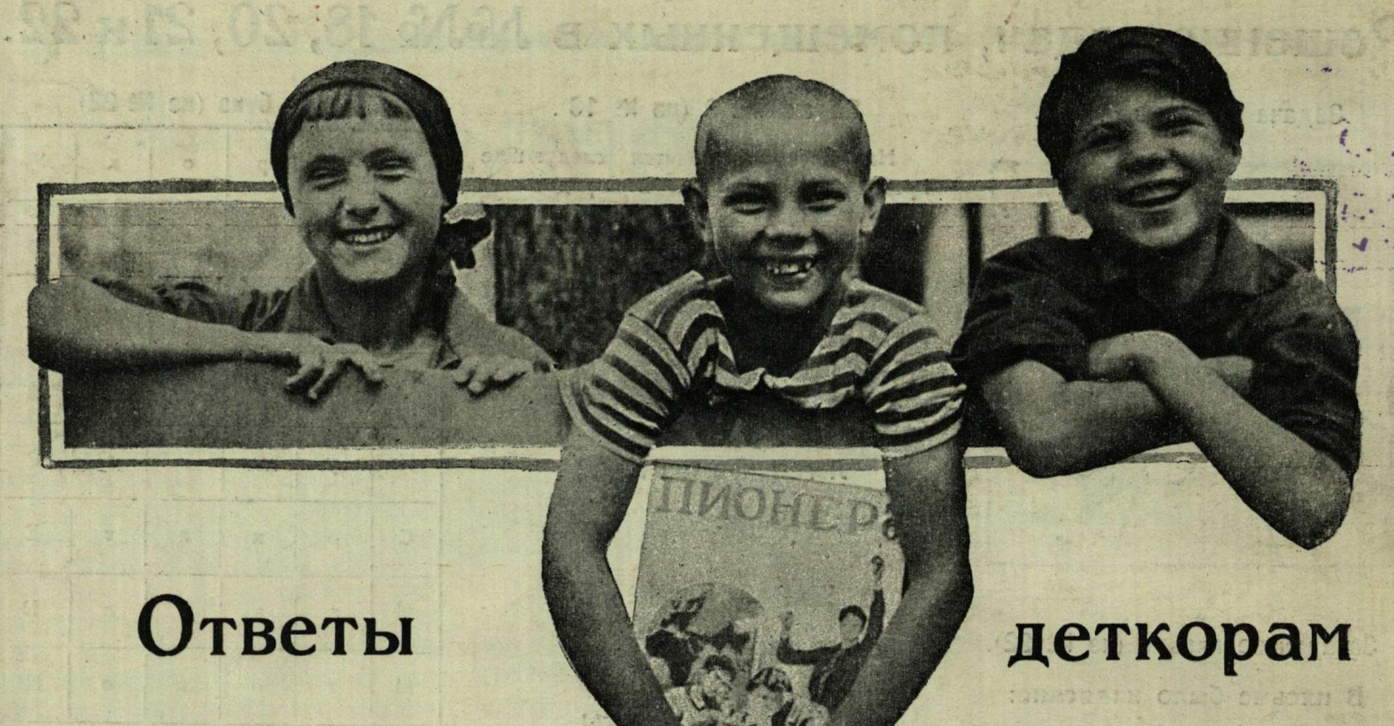
П. Мельникову, Прядильщикову В., Махрову К., Жукову А., Колосовскому А., Золоеву, Алекрийскому В., Соколову А., Пахомычеву П., Калашникову А., Крастелеву М., Гомову С., Рахманову, Халитову Ю., Луховцеву А. Присланное не пойдет.

Круковскому В. и другим. Присылать ребусы, если не умеете рисовать, можно и без рисунков. Надо только написать, какую картинку ты хочешь изобразить, а мы уже сами нарисуем эти картинки. Рисовать рисунки для печати надо черной тушью.

Ход коня („Пионер" № 21).

12	5	26	19	10	3
27	20	11	4	25	18
6	13	24	17	2	9
21	28	15	8	23	30
14	7	22	29	16	1

Пионер стремится к знанию и умению; Знание и умение — сила в борьбе за рабочее дело.



Ответы деткорам

«Пионеру» (городок № 3 им. т. Ворошилова) **Федору Нечаеву** (Тамбов); пионеру **Шашкову** (г. Цивильск, Чувашск. респ.), пионеру **Кропотину** (Урал), спартаку **Усову** (Москва)—заметки местного значения—поместите в стенгазету.

Отряду № 1 при Детдоме (Село Устье). Очевидно, журнал Вам выписывает УОНО.

Л. Костюшко и Н. Барковскому (с. Межево, Оршанск. округа), **Ф. Шабанову** (с. Благовещенское), **Л. Жичину** (с. Воскресенское на реке Ветлуге), **В. Сецинской** (с. Баз-Карабулак), **И. Супрунову** (поселок Троицкий, Алтай). **Яковлеву Александру** (Обоянь). — Заметки ваши для редакции интересны, но для печати— нет места в журнале.

Е. Виноградовой (Сольвычегодск). Мало интересно, нет ничего особенного в твоем рассказе, нет действия. Не пойдет.

Григорию Тягло (Кисловодск). Рассказ написан поверхностно. Неинтересно. Не пойдет.

Сидельковской (Ростов н/Дону). Стихотворение об Октябре запоздало, шли еще, написано оно не плохо.

Дмитрию Соснову (ст. Торбеево).— Заметка мало интересна, организовали ячейку Авиахима, внесли столько-то копеек, горячо хотите работать—это хорошо, но вот когда дашь, как именно работает кружок, тогда будет интереснее.

Теодору Коберу (Марксштадт). См. отв. Соснову.

Тане Ч. и Мите П. (г. Николаевск). **Вите Сыроежкину и Секорской Шуре** (дет-городок Красный Пахарь); **Шуре Шишкину** (Москва); **А. Авдееву** (село Алгаши)—запоздало.

М. и И. Усовым (г. Месягутово). Нина Быкова—праправнучка Ломоносова—пионерка, мы и поместили ее в знак того, что пионеры должны быть преемниками и продолжателями дела Ломоносова и стремиться к науке, как он.

Вожатому Малиеву (Красно-баковский уезд).—Читай журнал «Вожатый» и держи связь с Убюро, материалы по физкультуре найдешь. Частично помещаем и в «Пионере».

Н. Цыганову (детдом № 2 им. Октябрьской рев.). Здорово «бузотерят» ваши ребята, но неинтересно печатать, как кидаются хлебными шариками и дерутся шапками. Пиши, чем занимаетесь кроме этого, как учитесь и работаете.

Вожатому А. Ядыгину (г. Петропавловск). Материал написан не для пионера. Передан в «Вожатый». Об Октябре запоздало.

ВСЕМ РЕБЯТАМ.

Редакция получает массу писем, ребята много пишут, но ребята относятся к своим заметкам неаккуратно.

Пишут неразборчиво.

Присылают написанное на каких-то кусочках бумаги или на самом конверте—так тоже нельзя.

Присылают, не указывая своего адреса,—такие заметки не будут напечатаны.

Нужно серьезней относиться к своим заметкам. Сейчас редакцию интересуют такие темы:

1. Как проходит личная учеба пионеров?

2. Какую общественную работу проводят отряды?

3. Как живет пионер в семье?

4. Какие достижения в работе отрядов, какие недостатки, что мешает работе?

Обо всем, что волнует и интересует ребят, пишите в свой журнал.